

INSPIRIA

18+

РОВЕНА

БЕРГМАН

ЭКСПЕРИМЕНТ

ЧТО, ЕСЛИ НАША РЕАЛЬНОСТЬ –
ЭТО ЧЕЙ-ТО ЭКСПЕРИМЕНТ?

INSPIRIA

Loft. Автофикшн

Ровена Бергман

Эксперимент

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бергман Р.

Эксперимент / Р. Бергман — «Эксмо», 2023 — (Loft.
Автофикшн)

ISBN 978-5-04-193539-9

Семейная пара Джека и Эстер переживает кризис. Именно в этот момент в их жизнь врывается взбалмошный Джонни – полная противоположность мужа Эстер, холодного и расчетливого. Случайность, обернувшаяся трагедией, ставит героиню перед выбором. Эстер придется решить, что ей ближе – спокойная и стабильная жизнь с мужем или яркая, но совершенно непредсказуемая с Джонни? Эстер кажется, что она делает выбор, но она ли его делает на самом деле? «К дебютным произведениям в читательской среде обычно относятся с доброй снисходительностью, однако роман Ровены Бергман стоит воспринимать трезво и строго. Не всякий молодой писатель возьмется за исследование романтических, супружеских отношений, тем более сквозь призму психологического эксперимента. Нужно иметь определенную смелость, чтобы написать об этом: не уйти в излишний мелодраматизм, не оказаться в ловушке дешевых манипуляций и при этом сохранить яркость и выпуклость характеров героев. Динамичное повествование, тонкий психологизм отсылает нас к “Портрету Дориана Грея” Оскара Уайльда, к традициям романов-притч. И кто знает, удастся ли героям “Эксперимент” выбраться из этой истории прежними?» – Мария Головей, литературный редактор

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193539-9

© Бергман Р., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ровена Бергман

Эксперимент

© Бергман Р., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Профессор психологии Карл Уотсон обреченно склонил голову над столом, погрузившись в размышления. До него долетали фрагменты фраз коллег, собравшихся здесь, в его кабинете, по совершенно исключительному случаю. Карл лениво отнял руки от одутловатых щек, которые придерживал, и огляделся по сторонам. Тяжелая голова, потеряв поддержку, стала клониться к столу, выставляя своего хозяина в дурном свете перед собранием образованнейших людей, но Карл сделал над собой усилие и ничем не выдал слабости. Он мельком оглядел предметы на круглом столе: ничего примечательного – папки, бутылки с водой, кофе. Потом попытался вникнуть в суть поставленного вопроса. Альфред Фестингер, молодой ученый, так упорно пытался отстоять позицию профессора, что Уотсон сразу же перестал слушать и снова ушел в себя.

Карл задумался над гуманностью эксперимента, который сам же предложил несколько месяцев назад. Он представил на суд идею, абсолютно уверенный, что к ней не отнесутся серьезно. Тогда Карл превзошел себя. С виду робкий, неказистый и осмотрительный профессор нетерпеливо барабанил пальцами, когда лаконично и убедительно излагал свою идею. Глаза Карла поблескивали, а язык транслировал в мир все мысли, которые профессор до этого момента сознательно скрывал. Когда Карл закончил говорить, Эрик Берн и Джордж Бергсон, его молчаливые слушатели, лишь недоуменно переглянулись. Идея профессора показалась им невыполнимой, в некотором смысле глупой и даже преступной. Но потом какая-то неведомая сила вынесла фантастический эксперимент профессора в свет, и теперь Карл вынужденно принимал на себя роль руководителя научной работы. Он с обреченным видом сидел за столом среди враждебно настроенных коллег и не знал, куда деваться от суеты и осуждающих взглядов.

– Вы не понимаете! Этот эксперимент положит конец всем теоретическим вопросам, на которые у науки до сих пор не было ответа и, возможно, в ближайшем будущем и не будет! – страстно произнес профессор Фестингер, завершая монолог.

– Уважаемый Альфред, вы хоть понимаете, что этот эксперимент ставит под угрозу психику испытуемых? – дрожащим, взволнованным голосом ответил доктор Берн, поправляя очки-половинки на длинном горбатом носу.

Эрик явно осознавал, что наступил переломный момент в споре, от которого будет зависеть жизнь по крайней мере ста испытуемых. Он чувствовал, насколько важны сейчас его убедительность и уверенность, но, как и каждый слишком заинтересованный в каком-нибудь вопросе человек, Эрик Берн не мог сдерживать эмоций, они захлестывали ученого с головой.

– Люди и так сидят на антидепрессантах. Каждый пятый в мире страдает расстройством психики, и каждый десятый хоть раз обращался за помощью к специалистам, – парировал Джордж, заведомо приняв сторону растерянного профессора Уотсона.

Джордж ради науки был готов пожертвовать не только испытуемыми, но даже собой. И не только собой, но и своей семьей: женой и двумя прекрасными детьми, росшими по большей части без внимания отца.

– Подумаешь, сто испытуемых, – продолжил профессор Бергсон. – Что это в сравнении с тем, что мы получим в итоге? Пыль. В конце концов, как сказал Пальмиро Тольятти: «Всякий, кто гибнет за идею, гибнет не напрасно». Наш эксперимент не предполагает серьезных последствий. По крайней мере, для общества в целом.

Карл сосредоточился и серьезно оглядел всех присутствующих. Два лагеря ученых – те, кто был на его стороне, и его противники – не понимали одной простой вещи: идея может быть благовидной в теории и разрушительной на практике и, напротив, – в теории рискованной, а на практике превосходной.

– Например, чтобы сохранить вид животных, люди готовы пожертвовать одной особью или даже сотней. Нам всем известны случаи, когда ради великой цели умирали люди: строительство Великой Китайской стены, Панамский канал, Бруклинский мост, Дамба Уэллса. Что люди представляют из себя в масштабе эволюции? – повысив голос, спросил Джордж. – Ничего. Мы все являемся расходным материалом на пути к прогрессу человечества. Тысячи примеров жестокости на этой планете, но вы зацепились за гуманность именно этого эксперимента? Почему? – допытывался Джордж.

В кабинете повисла удушающая тишина. Такая, при которой хочется открыть окно и проветрить помещение. От комментария коллеги многим ученым стало не по себе. Некоторые испытывали стыд за то, что по большому счету могли бы согласиться с Джорджем – согласиться не на сомнительные эксперименты, а с тем, что люди в основной массе жестокие существа – страшнее любого катаклизма, страшнее дикого зверя, страшнее болезни. Люди, прикрываясь высокой целью, могут совершать ужасающие вещи – они стремятся к наживе не из желания выжить как вид, а из жажды поглотить как можно больше. Оголить плодородную землю, отравить воды, умертвить все живое вокруг ради личного блага.

– Вот вы говорите об эволюции, – сказал профессор Берн, обращая снисходительный взгляд на предыдущего оратора. – Тогда почему эволюция не равно жизнь? Почему мы вспоминаем об эволюции, когда нам это удобно, а не когда один человек, управляющий корпорацией, убивает все живое вокруг? Почему такие люди не вспоминают, что они также являются лишь инструментом в борьбе за жизнь на Земле? Для вас, уважаемый Джордж, эволюцию составляют камни и скелеты, замурованные в цементе? Что в масштабах эволюции значат ваши постройки? А жизнь вымерших видов? Балийских тигров, например? Это, по-вашему, менее значительная вещь, чем стена?

Джордж фыркнул и раздраженно покачал головой. У него сложилось впечатление, что никто из присутствующих не понял направления его мысли.

– Я не об этом хотел сказать, – нервно заметил Джордж. – Вы зацепились за стену, как за спасательный круг. На мой взгляд, эволюцию составляет все, что естественным образом происходит на Земле. И вымирание видов, и загрязнение вод, и даже наш эксперимент. Это может происходить и потому происходит. Наша задача – наблюдать. Быть участниками высшего глобального замысла и в конечном счете свидетелями разрушения.

Карла Уотсона поразило, насколько правдоподобно и убедительно может звучать оправдание, подкрепленное долей здорового скептицизма и уверенности. Но придумывать оправдание лично для себя профессор не стал. К сожалению, его эксперимент мог нести разрушительные последствия, и он, профессор Уотсон, осознавал, что является единственным виновником роковой затишья.

В то же время, пока ученые вершили судьбы героев, с которыми вы сейчас познакомитесь, дорогой читатель, на улице Рита-стрит, в небольшом жилом комплексе, в квартире сто двадцать восемь снова разгорался скандал.

– В конце концов, ты начнешь собираться или нет? – спросила Эстер, подойдя к их с Джеком кровати вплотную. В ее голосе слышались раздражение и нетерпение.

Джек нехотя поднял глаза от монитора ноутбука и устало спросил:

– К чему такая спешка? Мы уезжаем через неделю.

– Когда ты хочешь все успеть? Завтра мы должны ехать к твоей сестре, послезавтра ты работаешь. У нас не будет времени на сборы.

Джек хотел притянуть Эстер за руку, но она, предвидя его желание, быстро отпрянула.

– Полежи со мной немного, – попросил Джек, но Эстер смерила его строгим взглядом и вышла из комнаты, хлопнув дверью чуть громче обычного.

Эстер до сих пор была раздражена тем, что Джек бросил ее в одиночестве и уехал с друзьями на горнолыжный курорт. Тогда он просто собрал вещи, поставив Эстер перед фактом о невозможности перенести поездку. С друзьями он договорился намного раньше, чем женился, и поэтому будет не по-мужски отказываться от путешествия сейчас. А бросить жену, месяц пролежавшую в депрессии, показалось Джеку вполне приемлемым. Тем обиднее для Эстер прозвучало его нелепое оправдание. На ее взгляд, конечно, нелепое, ведь это Джек являлся виновником ее глубокого уныния, из-за которого у Эстер иногда не хватало сил подняться с кровати, приготовить ужин или бросить грязное белье в стиральную машину.

Эстер принадлежала к тому типу людей, которым требовалось постоянное движение. Когда Джек привез ее в свой маленький курортный город на берегу океана с населением в пять тысяч человек, в первое время девушку забавляла незатейливая жизнь, ограниченная житейскими сплетнями, – в городке почти ничего не происходило. Но спустя три летних месяца, когда место было досконально изучено, а половина приличных ресторанов закрылась на зиму за неимением туристов, Эстер поняла, во что ей выльется замужество.

Больше Эстер не радовали ни великолепные рассветы над океаном, ни уютные антикварные магазинчики со старой мебелью, которые прежде навевали ей романтические мысли, ни даже фруктовые сады рядом с домом.

Тогда ее и поглотила депрессия, которая усугублялась тем, что их квартира, маленькая и темная, угнетала Эстер днем и ночью. Когда Эстер спала, косой потолок норовил сдавить ей грудь, мебель, казалось, вытесняла ее из спальни, а маленькое окно, расположенное на крыше, почти всегда было закрыто и пропускало лишь небольшую полоску неба. Это стало причиной ее постоянных бессонниц. В крошечном зале, в котором, помимо телевизора и дивана, плотно прижавшись к ним обоим, стоял обеденный стол, Эстер могла сделать только семь шагов вдоль комнаты и пять поперек. Она узнала об этом факте не случайно – когда она нервничала, то принималась расхаживать из угла в угол, чтобы абстрагироваться от проблем и привести мысли в порядок. Но в порядок в тесноте не могли прийти не только мысли, но и вещи, постоянно разбросанные тут и там, как олицетворение беспокойства, царящего в ее душе.

Ее муж, Джек, мало понимал и тревожился о страхах, волнующих жену. Он искренне полагал, что твердый характер – неотъемлемая часть целостной личности, и трудности, особенно такие мелкие и незначительные, как у Эстер, не могут, а главное, не должны вызывать не то что депрессии, но даже малейшего беспокойства. Джек был человеком терпеливым, целеустремленным, а главное – обладающим завидной выдержкой. Он судил об Эстер не то чтобы строго, но так, как мог бы оценивать самого себя.

«Чего ей не хватает? – размышлял Джек про себя, сидя на веранде. – Деньги есть, родители, муж – все рядом. Может быть, Эстер слишком мнительная и ищет проблемы на ровном месте?»

О чем Эстер тревожилась, Джек в точности не догадывался, но иногда делал попытки это выяснить. Например, Джек время от времени спрашивал у Эстер, чего ей по-настоящему не хватает для радости, но, получив ответ, раздражался и отмахивался от нее: «Ничто извне не сделает тебя счастливой. Ты должна найти причины для счастья в себе».

Так они прожили целый год. Эстер в душевных мучениях, а Джек в смутных сомнениях, которые на работе теряли всякий смысл.

Эстер стояла у раковины и вручную мыла посуду. Посудомоечная машина сломалась на прошлой неделе, а у Джека до сих пор не нашлось времени ее осмотреть.

Джек остался лежать в кровати, так и не извинившись, и Эстер хранила молчание, чтобы отстоять свою позицию. Она терла тарелку, полностью погруженная в свои раздумья. Неужели ее муж – бесчувственный человек?

Где-то в глубине души Эстер давно подозревала это, но старательно избегала внутреннего диалога с собой и даже преуспевала в этом, правда, до первого скандала. В ссорах она воскрешала в памяти запечатлевшиеся воспоминания: то, как Джек не позволил ей подобрать с бензоколонки больную кошку, то, как не поехал утешать родную сестру, когда ее в очередной раз бросил парень, и его нежелание везти Эстер в больницу, когда ей показалось, что она заболела. Эстер осеклась. Достаточно ли веские причины она перечислила, чтобы объявить Джека бесчувственным?

Тарелка выскользнула из рук Эстер и со звоном стукнулась о дно раковины. Она вздрогнула от неожиданности и бегло ее осмотрела. Сколов нет.

На смену раздумьям о бесчувственности мужа в голову Эстер закралась не менее неприятная мысль – предстоящая поездка к Розе, единственной сестре Джека. Ее Эстер могла переносить только в непоколебимом состоянии.

Чтобы не реагировать на непрекращающиеся выпады и грубость Розы, требовалось терпение, которого Эстер за собой, по правде говоря, не наблюдала никогда. Даже будучи в силах выдержать ехидство Розы, совершая при этом невероятное усилие над собой, – Эстер с трудом воздерживалась от ответных комментариев. Она знала наверняка, что это неминуемо приведет к скандалу, вопрос лишь – насколько скоро.

Дверь позади Эстер распахнулась – Джек решил нарушить молчаливое противостояние и поднять белый флаг.

Он подошел к жене и нежно приобнял за талию. Хвост на голове Эстер рассыпался, и теперь мелкие кудряшки щекотали его нос, касались щек и лезли в рот. Джек улыбнулся и игриво нахмурился.

– Ты все еще злишься? – настороженно спросил он.

Эстер, не выпуская из рук последнюю вымытую чашку, повернулась к Джеку и изучающе на него посмотрела.

– Я не обижена на тебя, – холодно сказала она, не найдя ничего лучшего для ответа.

Эстер следовало заранее обдумать вариант подобного исхода, но она непредусмотрительно решила, что сердце подскажет ей верные слова, когда наступит время расставить точки над «I». Ее ответ был настолько банальным, что Эстер стало неловко и смешно. Она подавила смешок и постаралась снова стать серьезной и неприступной.

– Я хотела сказать не это. Да, я очень расстроена. Тебе совершенно наплевать на мои чувства.

Джек сделал глубокий вдох и приготовился к неизбежному. Все, что сейчас скажет Эстер, Джек знал от начала и до конца. И про то, что он не заботится о ее душевном спокойствии, и о том, что ему дороги все, кроме жены, и про семью, которую Джек для чего-то завел, но все еще продолжает жить как одинокий холостяк, не считаясь с близкими, – он слышал это раз пятнадцать, может, двадцать. Благо все ответы Джека были тривиальны и заучены наизусть. Они звучали беспроблемно и всегда били в цель, поэтому Джек был непоколебим, как человек, превосходящий в твердости убеждений своего оппонента. Но на этот раз Эстер все же смогла его удивить.

– Может, нам нужно разойтись? – совершенно спокойным голосом спросила она.

В воздухе повисло молчание, сравнимое с затишьем перед летним штормом. Джек не поверил своим ушам. Он готов был услышать оскорбления, нравоучения, слезливые монологи, но не это.

– Что ты сказала?

– Может, нам стоит разойтись? – четче повторила Эстер. – Что ты смотришь на меня? Ты делаешь, что хочешь, а я хочу заниматься другим. Может быть, смысл в том, чтобы следовать за своими желаниями или, например, интуицией? Может быть, хватит этих тарелок и беспо-

лезных занятий? Я устала, – с придыханием заключила Эстер и повернулась к мужу, чтобы увидеть его реакцию.

Женщины. Даже когда кажется, что все их приемы изучены, они переписывают правила на ходу. По правде говоря, Эстер застала Джека врасплох и нимало не волновалась по этому поводу.

Теперь Джеку было впору задуматься о способности жены к глубокой чувствительности, но он сконцентрировался на своих мыслях: «Она говорит серьезно или нет? Что ее заставило сказать это именно сейчас? Может быть, Эстер завела любовника? Нет, абсурд». Джек рассеянно помотал головой из стороны в сторону, пытаясь разобраться с положением дел, принявшим неожиданный оборот. И все же Джек решил спросить напрямую, без обиняков:

– Ты серьезно? Хочешь от меня уйти?

– Вполне, – спокойно ответила Эстер, зародив в Джеке сомнение.

Все поистине болезненные вещи Эстер озвучивала громко и эмоционально. За год совместной жизни Джек хорошо изучил методы боя жены, чтобы слепо не доверять словам, которыми Эстер мастерски оперировала, чтобы сознательно задеть мужа в семейных ссорах.

Джека окутало теплое спокойствие. На смену тревоге и испугу пришло понимание – жена выражает протест против его невнимательности. Стоит ему обнять Эстер – и все пройдет, обиды забудутся, она успокоится.

Эстер позволила молчанию затянуться. Она ждала комментариев от мужа, но Джек не спешил с пояснениями. От этого Эстер пришла в бешенство.

– Почему ты молчишь? – искренне возмутилась она, не стараясь побороть волну накалывающего гнева.

Эстер округлила большие черные глаза, которые уже метали молнии, и если бы она могла вырабатывать темпераментом электричество, то ее энергии сейчас хватило бы на обеспечение электроэнергии во всем доме.

– Что ты хочешь от меня услышать? – тихо спросил Джек. Он не старался раздражить жену еще больше и даже не догадывался, что своим спокойствием усугубляет ситуацию.

– Ничего. Ничего я не хочу от тебя услышать. Завтра я соберу вещи и перееду в другую квартиру. Я все сказала, – заключила Эстер, заведомо зная, что ничего конструктивного от Джека не дождется. Слишком много раз в их жизни происходили ситуации, когда Эстер пыталась вывести Джека на откровенный разговор, но он лишь отмалчивался в ответ.

Эстер круто развернулась и, оставив Джека наедине с самим собой, ушла в ванную, чтобы поскорее смыть с себя не задавшийся с самого утра день.

Горячие струи, плавно стекающие по телу, приятно покалывали. Эстер прислонилась к стенке ванной, выложенной молочной кафельной плиткой. Между пористыми от старости швами в некоторых местах проглядывала черная плесень, с которой Эстер яростно боролась все время пребывания в доме, но успех был временным. Эстер, вспомнив об этом, брезгливо отпрянула от стены, чтобы ни в коем случае не коснуться кожей пораженных плесенью участков.

Как и о чем говорить с мужем, если он ее не понимает, а может, и не хочет понять? Джек может спасти ситуацию несколькими словами, произнесенными в нужный момент, но игнорирует эту возможность.

Эстер вылила шампунь на ладонь и мягкими движениями принялась втирать его в кожу головы. Маленькое помещение наполнилось нежным пудровым запахом. Сквозь закрытые глаза Эстер улавливала горение лампочки над зеркалом – она находилась в ванной одна.

С утра, когда едва заметный свет пробивался сквозь жалюзи, Эстер услышала звук закрывающейся двери. Это Джек умчался на работу, оставив Эстер размышлять в одиночестве. Если бы он только постарался вчера заговорить с женой, все могло выйти иначе, но Джек предпочел

притвориться спящим, когда Эстер вернулась из душа. Вопросы, требовавшие объяснений, тяжело повисли в сознании Эстер, и тем страшнее для Джека были ее дальнейшие действия – она принялась придумывать объяснения самостоятельно.

У фантазии нет границ, поэтому уже к вечеру мысленный диалог с мужем, состоявшийся в голове Эстер, перешел в хамство со стороны Джека, и реакция, с которой Эстер его встретила, намекала, что назревает очередной конфликт. Эстер сидела на диване и отсутствующим взглядом смотрела в телевизор. Она не повернула головы, когда Джек вошел в дом.

– Что случилось? – озадаченно спросил он. Эстер надменно посмотрела на мужа. В ее взгляде было раздражение, непонимание и даже обида. Если насчет обиды Джек мог только догадываться, то насчет раздражения был уверен вполне.

– Ничего, – холодно отрезала Эстер и встала с дивана, чтобы разогреть Джеку ужин.

– Тогда почему ты до сих пор не готова? Нам нужно ехать к Розе, она ждет нас.

Эстер поймала постылое имя на лету и едва заметно поморщилась.

– Я не поеду, – коротко отозвалась она, понизив голос.

– Это еще почему?

– Потому что я не хочу расстраиваться еще больше, чем сейчас.

– Я обещаю, это ненадолго. Час посидим в гостях, а потом поедem домой. Честно, милая, я не хочу ехать без тебя, – продолжил уговаривать Джек.

Джек бросил рабочую куртку на диван и подошел к жене, чтобы ее приласкать. Вчерашний разговор пара предпочла не вспоминать – Джек боялся подтвердить страшные опасения, а Эстер посчитала, что погорячилась с угрозой. Наверное, она еще не дошла до стадии, когда желание перемен становится настолько невыносимым, что перестают пугать любые трудности.

Эстер грустно улыбнулась.

– Едешь? Мама тоже будет. И племянники, – сказал Джек, продолжая придумывать хоть сколько-нибудь привлекательные обстоятельства.

Эстер хотела упереться, как строптивая кошка, придумать любую отговорку, лишь бы не соглашаться на эту малоприятную поездку. Но все ее силы ушли на беспокойство и построение теоретических ситуаций, из которых ей придется выпутываться с боем. Целый день она успокаивала разгоряченную фантазию, поэтому сил сопротивляться у нее не осталось, и она молчаливо кивнула в знак согласия.

– Спасибо, милая. Обещаю, это будет приятный вечер.

Эстер не потребовалось много времени, чтобы одеться. Она собрала волосы в гладкий хвост, сделала неброский макияж, надела одно из черных классических платьев, а потом помогла собраться мужу, так как считала, что вкус в их семье присущ в большей мере ей, чем Джеку. Джек никогда не пытался с этим спорить, тем более что это было чистой правдой. Эстер до сих пор помнила кулон, который Джек подарил ей на Рождество: подвеска с голубым топазом в вычурном обрамлении из серебра и россыпи полудрагоценных камней – в нем не было ничего ужасного на первый взгляд, но, как известно, дьявол кроется в мелочах, и как раз эти мелочи никак не сочетались одни с другими. Цепочка была грузной для тонкой шеи Эстер, а огромный камень выглядел вульгарно. Эстер было стыдно носить нелепое украшение, поэтому она запрятала его в шкатулку и больше никогда не доставала.

Эстер, стоя на пороге, быстрым взглядом еще раз окинула квартиру. Джек взял ее за руку и потянул на улицу. Эстер поддалась – отступать некуда.

Ехали молча. Джек всегда предпочитал тишину пустой болтовне. Пустой болтовней Джек называл все, что не касалось дела: его бизнеса – строительства домов, семейных проблем, текущих вопросов. Все философские беседы он предпочитал сводить к однозначным ответам, таким как «да», «нет», «ты права, я считаю так же». С женой он спорить не любил, чаще соглашался со всем, о чем она говорила, но не потому, что разделял ее позицию, а скорее

потому, что углубляться в споры и ругаться из-за второразрядных вопросов считал нецелесообразным. Эстер и так была крайне впечатлительна, и сознательно подливать масла в огонь Джек не пытался никогда. Она, как всякий человек с пытливым разумом, находилась в вечном поиске себя, истины, открытий, знаний и новых впечатлений. Эстер мало волновали вопросы насущного характера. Она часто пересматривала фильмы полюбившихся ей режиссеров, анализировала характеры героев, давала оценку их поведению, старалась прочувствовать их эмоции. То же самое проделывала и с книгами. Эстер заботили идеи, не приносящие материального вознаграждения, которое можно потрогать здесь и сейчас. Она скрупулезно собирала наблюдения и опыт в «шкатулочку», чтобы когда-нибудь воспользоваться этим богатством во благо творчества. Джек был снисходителен к жене. Он был готов взвалить на себя все тяготы будничных проблем, лишь бы Эстер была счастлива, но она почему-то не была.

Эстер требовала от мужа большего – она старалась пробудить в Джеке интерес к искусству. Эстер тщетно таскала мужа по выставкам и музеям, кинотеатрам и театрам, балетам и операм. Она подталкивала Джека к дискуссии. Так Эстер силилась обрести с ним неразделимую дружескую связь, единомыслие, общие интересы, которые могли бы сплотить их. Но каждый раз ее попытки проваливались. Пара не только не становилась ближе, но напротив, Эстер больше утверждалась в мысли, что они с Джеком разные люди. Их общение напоминало секс, не доведенный до кульминации, – поднималась тема обсуждения, звучали какие-то слова, но все не те. Обычно после подобных разговоров Эстер оставалась опустошенной.

Джек не разделял любви жены к искусству, точнее, формально разделял, но Эстер знала наверняка: если она оставит Джека наедине с нудным, но гениальным фильмом, он никогда не досмотрит его до конца. После просмотра Эстер заводила диалог с мужем, чтобы понять направление его мысли, но Джек либо вторил ее словам, либо, если говорил о своем мнении, выражал его очень коротко и складно, так, что для последующего обсуждения не оставалось повода. Эстер, расстроенная масштабом неоправданных ожиданий, часто закрывала глаза и думала, что все, что происходит сейчас, происходит не с ней, а с кем-то другим. Кто-то другой живет ее жизнью, определенно не она.

По другую сторону баррикад находился Джек и его претензии к Эстер. Например, Джек ненавидел вспыльчивость жены больше, чем ее непостоянство и взбалмошность, хотя взбалмошность Джек воспринимал как неотъемлемую часть возраста Эстер. Ее выходки не сильно раздражали его, но больше утомляли. Все-таки в прошлом году Джеку стукнуло тридцать пять, а ей двадцать четыре. Он знал, каково это, быть молодым и горячим, хотеть чего-то, в чем сам не отдаешь себе отчета, бежать куда-то, где тебя не ждут, делать то, что хочется, а не то, что должно.

Джек понял еще при первом знакомстве с Эстер, что столкнется с трудностями, но сделал выбор и мужественно нес за него ответственность: он решил дожидаться, когда Эстер наконец обточится жизнью, затем и повзрослеет.

– Ты обещал мне – пара часов, потом мы вернемся домой, – напомнила Эстер, плотнее укутываясь в плащ. В руках она держала бутылку вина.

– Да. Милая, не переживай, – Джек расплылся в ободряющей улыбке и взял жену за руку. Рука Эстер оказалась холодной и мокрой от волнения.

Машина завернула на знакомую улицу, вдоль усаженную скромными малиновыми барвинками и пышными разноцветными флоксами. Порывистый ветер терзал нежные цветы, клонил их к земле, но упругие стебли, полные сока и жизни, не могли сломаться. Вся их природа жаждала жить и радовать мир своей красотой. Солнце заволокли тяжелые серые тучи, легкая мгла повисла в воздухе. Она не обволакивала, но лишь смягчала силуэты пышно цветущих кустов камелий. Эстер кончиками пальцев прикоснулась к стеклу машины и подушечками почувствовала холод, растекающийся по телу.

После переезда Розы на новое место Эстер бывала здесь только раз, до того как в доме начался ремонт. На участке на первый взгляд ничего не изменилось. Все тот же полупустой сад, одинокие качели и газон с залысинами от колес машины – Роза не успела обустроить парковочное место.

Джек аккуратно припарковался. На улице он сделал глубокий вдох и потянулся, чтобы размять спину после относительно долгой поездки.

Эстер нехотя последовала за мужем к двери. Она оказалась незапертой – их ждали.

– Вы приехали! – воскликнула тут же появившаяся в гостиной Роза.

Эстер услышала радостный визг детей, которые побежали встречать дядю.

– Привет! – первым отозвался Джек, попутно стараясь заключить обеих малышей в объятия. – Вы читали книжку? Покажете какую?

Перед тем как зайти, Эстер натянула на лицо естественную доброжелательную улыбку, но все нутро ее было напряжено и готово при необходимости обороняться.

– Привет! – сказала Эстер и вяло обняла Розу.

– Я долго вас ждала. Вы задержались, – игриво укорила она, тряхнув пепельными волосами.

Назвать Розу неприятным человеком было бы несправедливо. Она умело управлялась с домашними обязанностями, воспитывала двоих детей, имела широкий круг друзей, а значит, и людей, которым она безоговорочно нравилась, также Роза с энтузиазмом добивалась поставленных целей. Эстер редко встречала ее в подавленном настроении.

Отношения этих вынужденно породнившихся женщин могли быть теплее, если бы не полная их несовместимость. С одной стороны Эстер – надменная, тщеславная, мечтательная, привередливая, с другой – сильная, грубая, целеустремленная, волевая Роза. Их общение непременно превращалось в противостояние. Борьба шла за мнимую правду, которая всегда ускользала и видоизменялась. Ни та, ни другая не хотела уступить. Роза выказывала пренебрежение к интересам Эстер, а та в ответ снисходительно улыбалась. Но и в этой улыбке было что-то колкое и насмешливое.

Всякая правда имеет право на существование при условии, что эта правда никогда не будет озвучена. Перед Эстер и Розой стояла задача – держать нелюбимые мысли друг о друге при себе, но и эта миссия была для них трудновыполнимой.

Узкое лицо Розы украшали выразительные глаза, широко распахнутые и даже немного наивные. Наивными они становились, когда Роза выпивала чуть больше вина, чем обычно позволяют себе за ужином. Узкие губы, готовые съязвить в любую минуту, были примечательны, так как больше всего объясняли ее характер. В момент гнева Роза поджимала их сильнее, и тогда они превращались в несколько плоских черточек. Ее внешность не была холодной или отталкивающей, скорее наоборот, притягательной. Но это был один из несправедливых случаев, когда красота не могла компенсировать недостатки несносного характера.

Эстер обладала более утонченными чертами лица – она походила на француженку. Тонкая и изящная фигура была легкой, как у балерины, густые кучерявые волосы спускались ниже плеч и прикрывали выступающие скулы на кукольном лице. Большие черные глаза смотрели оценивающе и пронзительно. Вся внешность Эстер была соткана из противоречий – зрелое женское очарование уступало юной непосредственности.

Роза решительной походкой направилась на кухню и повела за собой гостей. Эстер осмотрелась по сторонам: разноцветные вазочки и картинки на стенах, свечи на полках, плетеные ковры – все детали, призванные создавать уют, были на месте, но отчего-то ей все равно было зябко и беспокойно.

– Знаешь, я купила себе бюстгальтер, но он оказался маловат, – сказала Роза, обращаясь к Эстер. – Я подумала о том, у кого из моих друзей может быть такая маленькая грудь, и вспомнила о тебе.

Роза широко улыбнулась и взяла из рук Эстер бутылку с вином, которую та не успела вручить.

– Да, покажи мне его обязательно, – миролюбиво отозвалась Эстер. Ее мало тревожил размер груди, но настрой Розы она оценила как пассивно-агрессивный.

– Мама сегодня приедет? – спросил Джек, после того как отправил девочек играть в детскую.

– Сказала, что сегодня у нее не получится. Свидание, кажется, – отмахнулась Роза, не сильно огорчившись из-за отсутствия матери на семейном ужине.

Отношения Розы и ее матери Кэтрин всегда были натянутыми, а в последнее время и вовсе трещали по швам. В целом для Эстер это было неудивительно.

– Жаль. Я не видел ее с прошлой недели.

– Что насчет нашей поездки? Я снимаю отель на двоих? – перевела тему Роза. – В конце концов, не зря же я готовилась целый месяц. Пробежки по утрам и по вечерам – мы не можем пропустить марафон.

Под двоими Роза, конечно, подразумевала ее и Джека, не принимая в расчет, что брат давно связал себя узами брака.

– Почему на двоих? Эстер может поехать с нами.

– Зачем? – с искренним удивлением спросила сестра.

Роза налила себе бокал сухого красного вина и теперь разливала его гостям.

Огромные капли, оставшиеся на горлышке бутылки, медленно скатились по стенке на скатерть, оставив бурые пятна.

– Нет, правда. Эстер, ты же не собираешься бежать? Зачем тебе ехать? – никак не унималась Роза.

Эстер бесшумно вздохнула, пытаясь подавить в себе нарастающее негодование, но обуздать эмоции не смогла.

– Конечно, зачем тебе жена? Поезжай с сестрой, вам будет о чем поговорить, – саркастично, но все же с натянутой улыбкой проговорила Эстер. Глаза ее блеснули недобрым блеском, и Джек сумел это уловить.

– Я не оставляю тебя одну.

Роза с любопытством стала наблюдать за попытками Джека урезонить противоборствующих женщин, втайне надеясь, что брату это не удастся.

– Я люблю тебя, – смешливо произнес Джек. Он обнял Эстер, притянув ее к себе с соседнего стула, и чмокнул в лоб.

– Я тоже тебя люблю.

– Прекрасно, едем втроем, – с ноткой досады проговорила Роза. Она надеялась на солидарность брата во всем, что она скажет, как это было ровно год назад. С приходом Эстер в их жизнь незыблемый авторитет сестры ослабел, и это сильно выбило ее из колеи.

В Розе родилась и росла ревность за обладание братом. Она не могла простить Джеку появление женщины в его жизни, жены, а тем более той, к которой он старался прислушаться. Розе совершенно не нравилась участливость брата по отношению к Эстер, а тем более его нежность и снисходительность. Особенно снисходительность: по мнению Розы, Джек прощал Эстер вещи, которые она на его месте никогда бы не спустила ей с рук. Например, когда Эстер предлагала Джеку переехать в крупный город и забыть остров как страшный сон, Джек искал веские причины для отказа, а Роза с большим удовольствием ответила бы вместо него: «Езжай. Кто тебя держит? Собирай шмотки и проваливай».

– Забег еще не скоро. Поэтому обсуждение этого вопроса можно отложить, – предложил Джек. Он погладил Эстер по волосам и перевел взгляд на Розу. – Ты знаешь, что скоро мы уезжаем в отпуск?

– Ты что-то говорил, но я пропустила мимо ушей. Куда?

– В Лос-Анджелес. Эстер никогда не была в Голливуде – исправим эту оплошность, – торжественно произнес Джек. Его грела мысль о скором отпуске, о том, что он был в состоянии оплатить его самостоятельно, и о скорой встрече с другом. Джек поднял бокал над столом.

– Чирз!

– Отлично! – похвалила Роза. – Ты снова едешь к Джонни или вы будете жить отдельно?

– Отдельно. Я оплатил номер в гостинице, но с Джонни встреча тоже запланирована.

– Кто такой Джонни? – невинным голосом поинтересовалась Эстер. Она никогда не слышала этого имени, когда Джек упоминал близких друзей.

– Мой хороший знакомый. Он тебе понравится.

– О да, понравится, – скептически заметила Роза. – Чокнутый тип. Я помню нашу первую встречу с Джонни: кажется, тогда он хотел снять картину со стены галереи. Его, конечно, вежливо попросили в первый раз, но при второй попытке вышвырнули на улицу. Было очень неприятно. Нужно съездить за еще одной бутылкой, – прервалась она. – Я бы с ним, с Джонни, на вашем месте не связывалась. Это плохая компания для тебя, Джек.

Джек снисходительно улыбнулся, но ничего не ответил. Часто случалось так, что у окружающих складывалось ошибочное впечатление, что Джек с ними согласен, однако его молчание ровным счетом ничего не значило.

– Да, я съезжу. Милая, хочешь поехать со мной? – спросил Джек, заведомо зная, что жена не останется наедине с его сестрой.

– Знаешь, я была бы не против прилечь. Что-то голова сильно разболелась.

Эстер не врала. Повод избавиться от пьяных разговоров нашелся самостоятельно, и она не преминула им воспользоваться.

Роза ее идею поддержала:

– Да, конечно, верхняя правая комната свободна. Иди вздремни немного. Таблетку от головы дать?

– Нет, спасибо. Я скоро спущусь.

Затем Эстер поднялась по лестнице и направилась в комнату. Потеряться на втором этаже было невозможно: слева располагалась детская, посередине – туалет и ванная, справа – гостевая спальня.

Эстер включила светильник, чтобы не лежать в темноте. Оранжевый тусклый свет разлился под куполом торшера. Тени выросли на стенах и замерли, повинувшись единственной силе, породившей их. Эстер стала прислушиваться к звукам. Дети бегали в соседней комнате, придумав новую интерпретацию прятков, игру под названием «Кошкина мама». Они то и дело выкрикивали: «Теперь ты кошкина мама», а потом громко мяукали. Где-то внизу Роза хлопала шкафами и гремела посудой.

Эстер легла на спину и уставилась в потолок. Все-таки у нее хороший муж, подумала она. Да, они совершенно разные, им часто не о чем говорить, но ведь противоположности притягиваются. Над отношениями можно и нужно работать. В конце концов, Эстер сама так захотела. Выйти замуж за спокойного, предсказуемого мужчину. И Джек был именно таким, несмотря на ее характер, он ее любил.

Свет замигал. Эстер поднялась на локте, чтобы заглянуть под абажур и увидеть причину неполадки. Кровать жалобно скрипнула. Эта комната осталась единственной не претерпевшей изменений, и вся мебель готова была кричать об этом. Скорее всего, лампочка сейчас перегорит, а затем и лопнет. Аккуратно подобравшись к светильнику, Эстер пригляделась, но вместо технических проблем обнаружила маленького мотылька, бившегося о раскаленное стекло. Он неистово и исступленно пытался лететь на свет, но вместо этого обжигал свое маленькое

тельце и хрупкие полупрозрачные крылья. Совсем скоро мотылек выбьется из сил и, уставший, измученный болью, упадет на тумбу.

Вряд ли мотыльки могут догадываться о своем печальном конце.

Свет в природе свойствен в первую очередь открытому пространству, позволяющему насекомым находить пропитание и себе подобных для размножения. А вот темнота – индикатор замкнутости. Закрытое пространство для насекомых чаще всего губительно. Поэтому в процессе эволюции выжили в первую очередь те мотыльки, которые изо всех сил искали выход.

Эстер схватила валявшуюся на полу майку и поспешила на выручку бедному мотыльку. Она постаралась аккуратно выловить его, но отверстие сверху абажура оказалось слишком узким, чтобы просунуть туда руку. Тогда, недолго думая, Эстер выключила свет: «Сейчас стекло остынет, и мотылек перестанет страдать», – решила она.

С этой мыслью она легла обратно в постель и, убаюканная темнотой, забылась сном.

Проснувшись Эстер около полуночи. Ее разбудил громкий разговор Розы и Джека, доносившийся из кухни. Духота в комнате стала невыносимой. Эстер неторопливо села на кровати, потянулась и потерла лицо руками. Еще горячая ото сна, она плохо соображала, где сейчас находится и что происходит вокруг. Ее рука машинально потянулась к лампе, Эстер нажала на кнопку: желтый свет залил комнату, и спустя мгновение она пришла в себя.

Эстер заглянула в небольшое окно, расположенное над кроватью: темное небо полностью заволочли тучи, звезды не горят. Детские крики затихли. «Наверное, я долго спала», – подумала она.

Эстер вспомнила, что Джек обещал ей сегодня же вернуться домой. Она нашла затерявшийся в покрывале телефон и для уверенности проверила время. Полночь. Джеку с утра на работу. Эстер может со спокойной совестью спуститься вниз и напомнить мужу, что пора уезжать.

Эстер наскоро поправила помятое покрывало и хотела выключить свет перед тем, как покинет комнату, но ее взгляд привлекло маленькое махровое тельце, лежавшее рядом со светильником. Мотылек, которого она собиралась спасти, был мертв.

На кухне тем временем живо обсуждались отношения Розы и выходки ее бойфренда. Опьянение дошло до того предсказуемого состояния, когда женщина начинает рыдать, жалеть себя, рассказывать, какой ее мужчина подонок, в надежде на поддержку и сострадание, а собеседник старательно выслушивает бессвязные обвинения и устало кивает головой.

Эстер спустилась с лестницы, зашла в туалет и ополоснула лицо холодной водой, чтобы окончательно проснуться.

«Джек! – доносился из кухни звонкий голос Розы. – Ты не понимаешь, о чем я тебе говорю!» Эстер закатила глаза – все вечера, на которых она присутствовала, заканчивались обсуждением отношений. Исключения случались редко. Эстер промокнула лицо бумажным полотенцем и отправилась на кухню.

На столе стояли три пустых бутылки из-под вина, а четвертая, последняя, подходила к концу. Джек, захмелевший и розовощекий, сидел на полу, прислонившись к стене, и обнимал сестру в знак поддержки. Роза безостановочно всхлипывала, утирала слезы салфетками и складывала скомканные комочки рядом с собой.

– Я не понимаю его, Джек. Он не звонит неделями. Но когда мы встречаемся, Бенджамин делает вид, будто ничего не произошло, – дрожащим голосом повторяла Роза, опустив голову. – Я пишу ему первая, звоню, а он...

Джек закатил глаза и вскинул голову так, чтобы Роза этого не заметила. Сейчас она задаст главный вопрос, на который Джек давно дал сестре ответ и в сотый раз был готов повторить его.

– Что мне делать? – спросила она. Роза выпрямила спину и только теперь поняла, что перебрала с алкоголем. Комната в ее глазах закружилась, как в нелепом сне, а голос собеседника приобрел резкое, высокое звучание.

– Тебе нужно его оставить. Он тебя недостойн, – в очередной раз сказал Джек и приготовился к дальнейшему сопротивлению сестры, но этого не произошло. Роза заметила Эстер, тихо наблюдавшую за драматичной сценой со стороны, и захотела разделить с ней горечь несчастья.

– А ты что думаешь об этом? – спросила Роза, стараясь держать голову прямо.

– Я думаю, что Джек прав. Бен действительно тебя недостойн. Ты самодостаточная, сильная, красивая женщина. Мать двоих детей. На мой взгляд, ты заслуживаешь большего, чем неопределенность, – ответила Эстер. Она говорила искренне. Несмотря на их сложные отношения с Розой, Эстер все же не могла игнорировать ее несомненные достоинства.

Роза растерянно захлопала глазами, внутренне оценивая значимость Бенджамин в ее жизни, и сделала вывод, что пришло время послать его к черту. Может быть, завтра все изменится, но сегодня Роза закончит день в полной уверенности, что больше она никогда не станет унижаться перед мужчинами.

Эстер воспользовалась затянувшейся паузой и сконфуженно сказала Джеку:

– Нам пора ехать домой. Вызовем такси.

Джек удивленно посмотрел на жену, а Роза как по щелчку прекратила всхлипывать. Она бросила на Эстер неопределенный, но сосредоточенный взгляд.

– Куда мы поедем ночью? Останемся ночевать у Розы, завтра я завезу тебя домой, а сам поеду на работу, – настаивал Джек. По его интонации было понятно, что этот вопрос не обсуждается. Роза вторила брату:

– Да, конечно. Оставайтесь у меня. Зачем тебе домой?

Эстер принялась терпеливо перечислять довольно логичные, на ее взгляд, причины:

– Я не очень люблю спать не дома. И потом, Джеку с утра на работу. Ему будет тяжело собираться.

– Ничего страшного, я соберусь, – прервал жену Джек, чтобы она не пыталась придумать что-нибудь еще.

Брак. В русском языке это слово имеет два значения, второе из которых исключительно любопытное. Слово «брак» используется, когда говорят о некачественных товарах, непригодных к употреблению, или о продукции, не удовлетворяющей требованиям стандартов. Житейская мудрость то и дело твердит нам очевидные истины: стоит уважать друг друга, неплохо бы научиться терпению, необходимо говорить о проблемах и прочих трудностях своевременно. Но если возможно передать опыт прошлого на словах, тогда почему статистика разводов каждый год увеличивается? Люди стали образованнее и осведомленнее, но животрепещущая проблема не дает покоя психологам. Как добиться счастья в семейных отношениях? И существует ли универсальный подход ко всем семьям? Французская писательница Мадлен де Скюдери дала понятный и исчерпывающий ответ, наверное самый близкий к истине: «Вступающие в брак должны глядеть во все глаза до брака и держать их полузакрытыми – после».

Эстер, отбросив никому не нужные церемонии, сказала:

– Если ты хочешь остаться здесь, оставайся. Я поеду домой.

Эстер была настроена решительно. Джек не выполнил обещания, и она имела моральное право сделать так, как считала лучшим для своего спокойствия и комфорта. Эстер вышла в зал, чтобы собрать свои вещи.

– Куда она пошла? Это ты виноват, что у нее такой характер! Я говорила – найди себе нормальную женщину, которая будет тебе помогать, считаться с твоим мнением и... – громко начала Роза, но не успела договорить фразу. Ее прервала Эстер.

Она из прихожей, разделенной с кухней только аркой, слышала все, что Роза пыталась втолковать Джеку в захмелевшую голову. Негодованию Эстер не было предела. Да, она понимала, что не нравится Розе, но выслушивать критику так откровенно и демонстративно посчи-

тала оскорбительным. Больше всего Эстер возмутило молчание Джека, который не сказал ни слова в защиту жены.

Если бы только Эстер смогла промолчать и уехать без выяснения отношений. В таком случае она справедливо получила бы звание самой благоразумной женщины вечера. Мягкость и мнимая слабость – одни из самых простых способов в борьбе с мужской безучастностью и упертостью. Но темперамент, молодая кровь и жажда справедливости взяли верх. Эстер не смогла сдержать чувств, захлестнувших ее в пучину ядовитых эмоций.

– В следующий раз Джек обязательно спросит у тебя, какую женщину ему выбрать, – язвительно сказала Эстер, голос ее дрожал от волнения.

Роза вскочила с пола и уставилась на жену брата возмущено и удивленно одновременно. Впервые за долгое время ей ответили грубостью на бестактность.

– Да, я скажу тебе это в глаза. Ему нужна была женщина постарше, а не ты, – уверенно выпалила Роза, ничуть не заботясь о последствиях. – Но Джек никогда меня не слушал.

Джек в это время встал, с негодованием посмотрел на обеих женщин и, не говоря ни слова, вышел на улицу.

– Как ты не понимаешь, – Эстер с болью проводила взглядом уходящего мужа. – Ты не сможешь поставить Джека перед выбором – жена или сестра. Когда-нибудь у нас появятся дети, и тогда Джек в любом случае выберет семью, нашу семью. Те гадости, что ты говоришь ему обо мне, перестанут иметь смысл. Сегодня ты произнесла слова, которые останутся со мной надолго. Твой поступок эгоистичен, потому что мы перестанем общаться, а Джеку из-за этого будет нелегко.

Эстер высказала все, что накопилось, и ничуть не жалела об этом. Ехидство Розы давно ей надоело, и, к счастью, непрошенная откровенность этим вечером сыграла ей на руку. Теперь Эстер совершенно справедливо могла игнорировать приглашения на семейные праздники и избегать общества Розы по веской причине.

Эстер смотрела на разгорающуюся ярость Розы и не чувствовала ничего: ни угрызений совести, ни печали, ни сострадания.

– Выход там! – поставила точку Роза, указывая Эстер длинным пальцем на дверь. Это была торжественная кульминация. Больше не будет неловких слов и попыток защититься. Глава дописана.

Позже, от Джека, Эстер узнала, чем так сильно задела Розу той ночью. Эстер сказала, что Джек выберет новую семью, а Роза восприняла высказывание слишком буквально. Исходя из этого, Эстер сделала логичный вывод: даже если человек будет стараться донести свою мысль четко и недвусмысленно, слушатели интерпретируют слова так, как им того захочется, а это значит, что лучшее средство от непонимания – молчать.

Эстер одобрительно кивнула и пошла к выходу. По пути она захватила сумку и плащ с дивана. Затем дверь за ее спиной стремительно захлопнулась.

Машина Джека была заведена, но самого Джека за рулем не было видно.

План созрел в голове Эстер еще до того, как началась ссора: вызвать такси и вернуться в тишину домашнего заточения. Там она сможет в одиночестве зализать раны, успокоиться и выровнять растревоженное состояние.

Эстер быстрым шагом двинулась вдоль кладбища, располагавшегося напротив дома, попутно пытаясь в приложении такси обнаружить свою геолокацию. Ее заметно кольнула боль за предательство мужа. Чувство обиды, которое она подавила несколько минут назад, когда смотрела в спину промолчавшего Джека, теперь взыграло в ней с полной силой.

Прохлада ночи и влажный воздух хорошо освежали мысли. Месяц, похожий на кусочек надкушенного сыра, тускло освещал крыши домов и сырые могильные плиты с угрюмыми цифрами и безликими именами. Белесой пеленой висел туман, смыкаясь с тучами, он наводил

ужас на мрачное место. Бледно-зеленые газоны в ночи приобрели волшебный синеватый оттенок. И лишь под светом уличных фонарей привычный образ тусклого полотна превращался в ярко-зеленые освещенные островки, похожие на геометрический рисунок.

Эстер продолжала идти по мокрой заасфальтированной дороге, когда услышала сзади быстрые приближающиеся шаги. Она тут же опустила телефон и круто развернулась. Обычный человеческий рефлекс, обусловленный желанием оценить противника и дать ему отпор. Но оказывать сопротивление было незачем: это Джек старался нагнать быстро удаляющуюся жену.

– Подожди! – сказал Джек, немного отдышавшись. Он бежал за Эстер от самого дома и уже порядком выдохся. – Поехали домой. Ты добила своего.

Эстер недоуменно посмотрела на чуть протрезвевшего мужа.

– Я добила? То есть я еще и виновата во всем произошедшем?

– Да, ты. Это ты устроила скандал в доме моей сестры.

– Конечно, конечно, устроила! Ведь ты не сказал ни слова в мою защиту! – с бессильной злобой произнесла Эстер. Она поняла, что муж не намерен извиняться, и замолчала.

Эстер окинула Джека неприязненным взглядом и продолжила идти куда-то вдаль, в темноту. Главное, подальше от этой семейки.

– Нет, я не отпущу тебя одну. Ты поедешь со мной домой, – сказал Джек печальным голосом. Он схватил Эстер за локоть и притянул ее к себе так, что она чуть не упала.

– Не смей меня трогать! – судорожно сглотнув, отозвалась Эстер. – Я никуда с тобой не поеду! Иди обратно к сестре, обсудите меня этой ночью!

Лицо Джека не выражало ничего, кроме необъяснимого отчаяния. Он хотел оградить в первую очередь себя от всего плохого, что могло произойти с Эстер этой ночью. Да и потом, разгадать, какой подтекст содержит в себе женское «отпусти», может только опытный мужчина, и этот мужчина, к которым причислял себя Джек, даже будучи пьяным, осознавал, что этого делать ни в коем случае нельзя.

Совершенно уверенный в том, что поступает правильно, Джек схватил Эстер в охапку, плотно обхватил ее руки и понес в сторону заведенной машины.

– Отпусти меня сейчас же! – Эстер яростно старалась вырваться из рук мужа. Она болтала в воздухе ногами, пыталась высвободить руки, но тщетно.

Неподалеку послышался звук приближающегося автомобиля. Эстер замерла. Она перестала вырываться и прислушалась.

Через несколько мгновений из-за поворота показался свет фар приближающегося «доджа». Быстро преодолев короткое расстояние, автомобиль поравнялся с Джеком, державшим на руках выбивающуюся Эстер. Черное платье девушки задралось, оголяя худые ноги. Не знающему предыстории человеку увиденное вполне могло показаться проявлением насилия.

Окно машины опустилось, и из темноты раздался встревоженный женский голос:

– Девушка, вам нужна помощь?

Эстер, опираясь на одно чувство – обиду, тут же, не думая о последствиях, кивнула. Ее ни секунды не заботило, что, если бы женщина вызвала копов, Джеку пришлось бы всю ночь давать показания полиции.

– Да, мне нужна помощь, – сказала Эстер и поспешно высвободилась из рук Джека.

Джеку ничего не оставалось, кроме как покориться жене. Он смотрел Эстер вслед, когда та, судорожно спустив платье, нетвердой походкой пошла в сторону машины и неловко запрыгнула на кожаное сиденье.

Дверь автомобиля захлопнулась, и незнакомка тут же умчала Эстер в неизвестном для Джека направлении.

Минут пять он стоял на том же месте и никак не мог взять в толк, что же сегодня произошло настолько существенного, после чего Эстер повела себя так строптиво.

Глава 2

Стоило Эстер открыть дверь ненавистного, но все же родного дома, как она тут же почувствовала покой. Теперь она находится под защитой привычных для нее вещей: любимых книг, аккуратно расставленных на полке, ванной комнаты с ароматными кремами и баночками, чистым и мягким постельным бельем, парой дорогих туфель, дневника с ежедневными заметками. Любимые мелочи в доме, которые принадлежат только ей одной.

Эстер любит перечитывать и так зачитанные до дыр книги, делать в них пометки карандашом, лежать в тщательно вымытой ванне и наслаждаться запахом ароматических масел, смотреть старые фильмы и примерять на себя образы главных героинь. Как актриса, она мурлычет нежности в зеркало, а затем томно курит зубную щетку, изображая коварную оболстительницу. Эстер любит пить зеленый чай с сухофруктами, есть сладкие булочки. Столько мелочей могли бы доставить ей удовольствие в обычный день, но не этой безумной ночью.

Эстер небрежно отбросила туфли в угол и, не раздеваясь, рухнула в постель.

Как она ни старалась, заснуть не получалось. Разум воспроизводил снова и снова события сегодняшнего вечера и представлял иные пути развития ситуации: то Эстер бредет в ночи в слезах, а Джек бежит за ней, обещая сделать ради любимой все, что та попросит; то Эстер отвечает Розе что-то весьма остроумное и ставит ее тем самым в тупик, обнаруживая ее скудоумие; то Джек заступает за обиженную Эстер и раз и навсегда ставит на место бесцеремонную Розу. Каждый из сценариев, генерируемых разумом, непременно был лучше оригинала.

Эстер перекатывалась с одного конца кровати на другой, перекладывала подушки, меняла одеяла – ничего не помогало избавиться от навязчивых мыслей, жужжащих в голове, словно мухи, угодившие в вязкий кремный суп.

Только под утро изможденный разум позволил ей забыться неглубоким сном.

Около семи утра, когда весеннее солнце только встает из-за горизонта, а птицы, опомнившись ото сна, заводят звонкую песню, Джек, не пытаясь быть тихим, проследовал на кухню, чтобы сварить себе кофе.

Одному богу известно, что он сейчас чувствовал. Разбитое состояние после бессонной ночи заявляло о себе: сердце Джека скакало в аритмии, желудок скрутило, голова гудела.

Джек, сшибая с кухонной столешницы стоявшие на краю предметы, неровной походкой зашел в ванную и ополоснул лицо. Никогда его организм еще настолько тяжело не переносил похмелья. В двадцать пять он мог не спать несколько дней подряд и не чувствовать усталости. В тридцать – чувствовать усталость, но все же продолжать веселиться. Что произошло за эти пять лет такого значительного, что Джек перестал узнавать себя?

Джек приблизился к зеркалу, чтобы лучше себя рассмотреть. Он отметил огромные темные круги под глазами, а о легком румянце, свойственном ему раньше, не было и речи.

Черты его лица остались прежними – чуть кривоватый заостренный нос, голубые глаза были неторопливы и внимательны, как это и свойственно бизнесмену, проводящему вечный подсчет выгоды. Губы с вечно улыбающимися поднятыми уголками изобличали в нем добродушного, открытого человека. Его брови напоминали Эстер брови младенца – такими мягкими и светлыми они были. Ничего в образе Джека не наводило людей на мысли об эмоциональной скупости. Он всегда без затруднений завязывал знакомства, был легок в общении и дипломатичен в спорах.

В целом, даже не в лучшей своей форме, Джек выглядел исключительно привлекательно: молодой стройный, высокий мужчина спортивного телосложения. Эстер любила украдкой наблюдать за ним со стороны, когда Джек работал в доме или играл с друзьями в волейбол на пляже. Но, к сожалению, привлекательная внешность была для нее далеко не самой необходимой характеристикой.

Джек наскоро принял душ, переоделся, благо рабочую одежду оставил с вечера в ванной, и отправился на кухню за долгожданным напитком.

Обо всем, что произошло вчера, он не думал. Джек многое отдал бы, чтобы не заводить об этом разговора вовсе. «Почему нельзя все оставить как есть и не усложнять ситуацию?» – с досадой подумал он. И как только эта мысль посетила его голову, Джек услышал скрип кровати в спальне. Он замер в ожидании дальнейших звуков, искренне надеясь про себя, что Эстер просто перевернулась во сне. Похмелья и дурного самочувствия перед рабочим днем было достаточно, чтобы чувствовать себя «выжившим», не хватало только бодрящих нотаций. Джек напряг слух до предела и на мгновение даже перестал дышать. Через миг он понял, что надежды не оправдались.

Эстер проснулась сразу же, как только Джек открыл входную дверь. Она притаилась в постели, ожидая, что тот зайдет в спальню и попросит у нее прощения. Однако Джек сходил в душ, почистил зубы, приготовил кофе, но так и не соизволил войти в комнату. Лицо Эстер перекошило от возмущения. Вся семья мужа во главе с Джеком показалась ей инородным телом, которое хочется оттолкнуть от себя подальше и больше не испытывать дискомфорта, неловкости и прочих недобрых чувств. Они чужие для нее люди, с совершенно иными взглядами и восприятием жизни. И может ли он, Джек, ее близкий человек, не вызывать в ней неприязни, когда все, кто оставил неизгладимый отпечаток в его воспитании, кажутся ей чуждыми?

Эстер торопливым шагом дошла до двери и резко потянула ручку на себя. Дверь с грохотом ударилась о стену – шум нарушил безмятежную утреннюю тишину, разбудив соседей. Эстер внимательно посмотрела на лицо Джека, собиравшегося пить кофе. Кажется, Джек был удивлен ее эффектным появлением не меньше, чем Эстер была озадачена его наглостью.

– Доброе утро, – сказал Джек непринужденно.

– Доброе, – процедила Эстер.

Она замерла в ожидании, но Джек, как всегда, продолжал настороженно молчать. Чаше в жизни проигрывает тот, кто первым вступает в бой. Первую кровь, как правило, всегда проливала Эстер, и эта ситуация являлась тому прямым доказательством.

– Ты не собираешься извиниться? – напряженным голосом спросила она.

Джек недоуменно поднял брови.

– Я должен извиниться? Это ты устроила скандал в доме моей сестры.

– Я? Я? – Эстер чувствовала, что от наглости мужа ей перестает хватать воздуха. – Ты молчал, когда твоя сестра предложила найти тебе «нормальную» девушку, а потом и вовсе вышел, предоставив мне защищать себя самой. Ты можешь заступиться за свою жену, когда это необходимо, или нет? В конце концов, я не виню Розу – от нее услышать нечто подобное вполне ожидаемо, но твоя реакция...

На глаза Эстер наворачивались слезы бессилия. Она не понимала, как донести всю горечь обиды до безразличного мужа. Пропасть между ними становилась глубже, а реакции Эстер ярче. Так случается, когда человек, не сумевший доказать свою правду или точку зрения, бессознательно начинает повышать голос. Кажется, так тебя должны услышать, а затем и понять. Ум быстро подкинул неприятных воспоминаний «в топку», чтобы быстрее разжечь конфликт.

– Мне пора на работу, извини. Поговорим об этом вечером, – сказал Джек.

– Вечером? Ты бессовестный! Я больше не хочу с тобой жить! Больше не хочу! Что еще ты собираешься сделать перед тем, как я пойму наконец, что мы не пара? Ты поедешь в отпуск один! С меня хватит! – кричала Эстер в слезах. Она хотела взять в руки тарелки и бить их об пол, чтобы осколки разлетались во все стороны, а грохот заглушал ее печаль.

Эстер уже было знакомо состояние острой, но совершенно бессмысленной злобы, которую тяжело унять. Когда Джек оставлял ее в гневе успокаиваться самостоятельно, Эстер только

больше накручивала себя. Благое желание – разобраться на холодную голову – напротив, вызывало у Эстер только беспокойство, а впоследствии – очередные скандалы.

Джек бросил последний взгляд на разгневанное лицо жены и, накинув на себя легкую рабочую куртку, вышел из дома. Уже за дверью он вспомнил, как его отец, когда Джек был ребенком, закрывал его, плачущего, в комнате и говорил: «Успокойся – придешь». Тогда малыш с опухшими от слез глазами садился на пол и беззвучно всхлипывал, пытаясь понять, отчего ему стало еще горше и обиднее.

Два больших чемодана стояли на пороге, когда Джек вечером вернулся с работы. Он наткнулся на них, как только вошел в дом, и чуть не опрокинул. Квартира сверкала исключительной чистотой. На полках невозможно было обнаружить ни пылинки; одежда, постиранная и аккуратно сложенная, приятно пахла свежестью; ковер стал на тон светлее, книги расставлены как по линейке. Джек не понимал нерационального стремления жены после скандалов сделать «назло» что-нибудь хорошее: помыть полы, окна, разобрать бардак. Но умудренный опытом Джек догадывался, что Эстер делала это не из благих побуждений, а по известным только ей одной причинам.

Свет, включенный во всех комнатах, хорошо освещал результаты работы Эстер. Джек разулся и направился в спальню.

Описать, что он чувствовал, было сложно. Это и разочарование, вперемешку с огорчением, и недоумение, и некоторая обида на жену за то, что она все-таки решилась сделать это – собрать вещи и уйти.

– Ты уезжаешь? – робко спросил Джек, когда обнаружил жену сидящей на краю кровати. Она уставилась на комод перед собой, обреченно сложила руки на коленях и нервно раскачивалась на матрасе.

Положение дел в семье казалось Эстер безвыходным. Год она боролась за внимание мужа, насильно прививала Джеку собственные увлечения, развивала его эстетический вкус, а также чувствительность. Но так и не добилась успеха, так и не перекроила Джека под себя, не подчинила его своей воле. Джек как будто назло продолжал гнуть свою линию, делал все с большой неохотой и отсутствием интереса. Стоит оставить пустые надежды – никогда у них не появится ничего общего.

Эстер отчаянно боролась за свои ожидания и не брала в расчет, что у близкого человека представление о том, каким ему стоит быть, может быть полярным. Эстер душила Джека требованиями и ожиданиями, а он противился навязанным правилам. Она причиняла мужу добро, о котором ее никто не просил, и тем самым вызывала отторжение.

– Да, – глухо отозвалась Эстер, даже не повернув головы.

– Куда?

– Я сняла отель. Потом подберу себе квартиру.

Джек присел около Эстер и легонько, будто случайно, коснулся ее руки.

– Может быть, тебе стоит подумать об этом?

– А что думать, Джек? Все предельно ясно. Ты не идешь со мной на контакт, обвиняешь меня в том, в чем я не виновата, и у нас нет ничего общего. Сколько мы можем продолжать так жить?

Эстер даже не подозревала, как близка она была к истине и насколько верными были ее суждения. Сложно изменить другого человека, но можно поменять свой взгляд на ситуацию или разорвать отношения, в которых ты не чувствуешь себя комфортно. В противном случае мы рискуем причинить травмы близким и привить им комплексы на всю жизнь. Ведь то, что одни воспринимают как недостатки, другие могут оценить как благо.

– Извини, я не знал, что тебе было нужно выговориться.

Эстер отвела взгляд от комода и взглянула на Джека. На его нахмуренные брови, на поникшие плечи, на совершенно потерянный вид. Ей вдруг стало жаль его.

– Ты снова меня не понимаешь, – с огорчением сказала она. – Мне нужно не выговориться, мне нужно, чтобы ты постарался меня понять.

Джек опустил голову и устался на свои колени. Отчего-то они показались ему разными – правое колено выглядело крупнее, чем левое.

– Я хочу тебя понять. Я стараюсь это сделать. Послушай, да, я перегнул палку. Во вчерашнем скандале ты не виновата, но вы обе повели себя опрометчиво. Я не снимаю ответственности со своей сестры, но и тебя не понимаю. Зачем нужно было доводить ситуацию до ссоры?

– Потому что я имею право так реагировать, когда мне неприятно. Дело даже не в Розе, а в тебе. Я твой выбор, и я меньше всего виновата в том, что из всех женщин ты остановился на мне.

Голос Эстер, как и утром, стал напряженным.

– Да. Наверное, я был неправ, признаю это. Но неужели этот поступок действительно настолько страшен, что ты можешь так просто собрать вещи и уйти? Я исправлюсь. Я буду более чутким к тебе и твоим переживаниям, обещаю. Не нужно этого делать. Я люблю тебя, – проговорил Джек.

Его слова прозвучали так трогательно и искренне, что жалость, которую до этого испытывала Эстер, переросла в неприятную безвольную слабость. Наверное, вам знакомо чувство, когда необходимо решиться на что-то новое, но все же пугающее неопределенностью. И эти маета, сомнения, тревоги, одолевающие нас при принятии решения. Мы понимаем, что перемены необходимы, но упрямое сердце до последнего продолжает верить в лучшее, жить надеждой. Нам остается только бежать, чтобы случайно по какой-либо причине не оглянуться назад. Ведь если найдется хоть один предлог, чтобы остаться, – мы останемся.

– Я тебя не отпущу. Как ты снимала отель? Давай отменим бронирование. Позвони сама и отмени. Если не хочешь, я это сделаю.

Эстер застыла в нерешительности. Если она сейчас останется здесь, то ее мытарства продолжатся, если уйдет, то поставит точку. Нужно было быстро принять взвешенное решение здесь и сейчас.

«Подумать с точки зрения того, как складывается наша жизнь, Джек – хороший человек, любящий меня, добрый, ответственный, а главное, предсказуемый. Я выбрала его не случайно. И если говорить по совести – наверное, не он один виноват во всех наших проблемах. Ответственность за себя я должна нести сама. Может быть, я ищу предлог, чтобы уехать, и не в Джеке дело? Может быть, со мной что-то не так?» – думала Эстер про себя, тогда как Джек с замиранием сердца ждал вердикта.

– Я отменю бронирование. Сейчас позвоню, – серьезно сказала Эстер.

Джек с облегчением обнял жену.

– Не пугай меня так больше.

Эстер кивнула. Она снова сдалась. Поддалась слабости. В сотый раз пошла на поводу у страха и жалости. Осадок от измены самой себе колыхнул глубинные чувства внутри: жалобно заскулило самоуважение, тревожно забились самооценка, мечта померкла – стала бесцветной и крошечной, как рисовое зернышко. Будущее снова приобрело блеклые очертания. Надежды на поступление в приличный университет таяли – Джек не захочет жить в большом городе. И опять тысяча компромиссов и сотни «но».

Эстер встала с кровати и, не говоря ни слова, пошла на пляж, чтобы побыть в одиночестве. Она зарылась в песок и почувствовала пальцами его зыбкость. «Как мое будущее, сделай неверный шаг – и оно рассыплется», – подумала она. Эстер взяла отсрочку от тревог. Настанет время, когда она не сможет убежать от очевидного, как ребенок, прикрывая глаза ладонями. Груз накопившихся проблем обязательно потянет ее ко дну. В этом заключается парадоксаль-

ная насмешка жизни – нужно дойти до конца, утратить лучшее, что у тебя было, чтобы ни о чем не жалеть. И только в тот момент, когда терять уже нечего, бой окончен и ясен исход, открывается второе дыхание.

Мимо Эстер пробежали дети со счастливыми светлыми лицами, их звонкий смех затмил тень ее тревог. Умиrotворенные туристы заставили поверить Эстер в беззаботность жизни, которая где-то и для кого-то существует. Безбрежный океан, спокойный и непоколебимый, вселял чувство стойкой уверенности, что время бесконечно, а возможности безграничны, и где-то на горизонте снова забрезжит свет слепой надежды. Эстер мечтательно улыбнулась и легла на песок.

Дни до поездки прошли как обычно. Джек второпях заканчивал оставшиеся дела перед отпуском, Эстер выбирала и покупала пляжные вещи, приводила себя в форму и изучала списки мест, которые стоит увидеть в Лос-Анджелесе. Их отношения обрели тихое равновесие, скандалы в доме поутихли, а нежность и супружеский секс пришли им на смену.

В последний день перед отлетом Джек настолько задержался на работе, что Эстер самой пришлось собирать чемодан мужа, как она и предсказывала заранее.

Наконец, спустя восемь часов перелета, парочки незначительных упреков и расспросов о предстоящих планах настало время беспечного и веселого времени отдыха и развлечений.

В отель пара заселилась около трех часов дня. Измученная бессонной ночью Эстер сразу же приняла освежающий душ, а Джек налил себе вина и улегся на кровать.

Номер в отеле представлял из себя небольшую студию, в одном конце которой располагалась огромная кровать, а в другом – небольшая, но функциональная кухня. В целом это был ничем не примечательный номер, похожий на сотню других таких же невыразительных номеров: с классической расстановкой мебели, со слегка потертой обивкой дивана, с кучей одноразовых капсул для кофемашины в стеклянной миске и запахом хлорки после недавней уборки. Стены отеля оказались тонкими – Эстер могла слышать разговоры соседей и чувствовать запахи еды, которую они готовят. Окна номера выходили прямо на главную улицу Голливуда – Голливудский бульвар – место, облюбованное бездомными разного происхождения.

– Как ты смотришь на то, чтобы провести вечер в обществе моего друга? – спросил Джек, как только Эстер, мокрая и обернутая в белое махровое полотенце, вошла в комнату.

– Да, конечно, почему бы и нет, – отозвалась она.

– Отлично, тогда я напишу Джонни.

Эстер села за барную стойку и пододвинула к себе памятку с правилами отеля. Все написанное там должно было быть предельно ясно любому благоразумному человеку, но хозяйева отелей, видимо, на здравомыслие туристов особенно не надеялись.

– У нас встреча в шесть вечера в ресторане, – нарушил тишину Джек.

– Хорошо. Есть немного времени, чтобы вздремнуть, а потом спокойно собраться.

Около пяти Эстер по звонку будильника вскочила с постели и направилась напрямик в ванную. Она умылась, обвела контур губ бледно-розовым карандашом, нарисовала глаза и добавила на щеки немного румян, чтобы выглядеть свежей и отдохнувшей. Через полчаса из зеркала на нее смотрела актриса французского кино. Облегающее красное платье удачно подчеркнуло достоинства фигуры. Эстер не могла оторвать от себя взгляда, когда закончила укладывать волосы.

– Я готова! – торжественно объявила мужу Эстер.

Он оценивающе рассмотрел ее с головы до ног.

– Зачем все это?

– Тебе не нравится?

– Наоборот, мне очень нравится. Но дома ты предпочитала одеваться спокойнее.

– На острове у меня пропало желание надевать платья. Люди в барах сидят в пляжных тапочках и шортах.

– Естественно! Ведь мы живем у пляжа. Как они должны ходить в рестораны?

– Ты меня спросил, почему я так оделась. Я ответила.

Эстер расстроило замечание мужа. Она ожидала восхищения, но, не получив его, постаралась не цепляться к Джеку, чтобы не испортить вечер.

Пара вышла из отеля, когда солнце садилось за горизонт. На улицах Голливуда тут и там оживленно бродили туристы, фотографирующиеся с достопримечательностями. Во всю длину протяженного Голливудского бульвара по обеим сторонам от дороги плотно примыкали друг к другу магазинчики с сувенирами и пляжной одеждой, музеи восковых фигур и забегаловки с недорогой едой. Все помещения и каждый отдельный закоулок главной улицы жили своей насыщенной жизнью. Продавцы мороженого и хот-догов ловко управлялись в толпе плотно окружающих их людей – они мастерски успевали пересчитывать деньги из всех тянущихся рук и даже своевременно отсчитывать сдачу, не путаясь. Иногда встречались борцы за справедливость с небольшими пикетами – они громко выкрикивали отдельные заученные лозунги и гордо несли плакаты высоко над головами. В воздухе почему-то витало ощущение чуда. Будто здесь все мечты могли претвориться в явь – ты заворачиваешь за угол, там встречаешь известного режиссера, он приглашает тебя играть главную роль в фильме, и завтра ты просыпаешься звездой. Сладостная греза всех актеров, приехавших покорить Голливуд. И, хочется верить, вполне реальная.

Эстер шла на каблуках по выложенной плитками дорожке и постоянно задерживала взгляд то на одной, то на другой любопытной компании. Она и не ожидала, что за год так быстро отвыкнет от города. Когда-то это было частью ее жизни, но сейчас ее наполняли размеренность, спокойствие и скука.

– Здесь здорово, – сказала она, поправляя маленькую бархатную сумочку с золотым ремешком на плече.

– Да. Отдыхать весело, но жить здесь я бы не смог, – ответил Джек, грустно улыбнувшись.

Джека всегда пугало стремление Эстер жить в большом городе. Он часто фантазировал, что в какой-то из их поездок Эстер влюбится в один из таких городов и поставит его перед выбором или, что еще хуже, останется там без него.

– Почему?

– Дорого, шумно, грязно, людно. Это не мое.

– А я обожаю города. В них чувствуется жизнь – быстрая, разная, динамичная! Вокруг тебя мелькают витрины, лица незнакомых людей, из полутемных баров можно услышать джаз. Иногда ты можешь ненароком попасть на съемки фильма или рекламы. А главное – никогда не будешь знать, что ждет тебя завтра.

– И что же в этом хорошего? В том, чтобы не знать.

Эстер тряхнула волосами, на секунду задумавшись.

– Это придает вкус жизни.

Молодость. Всегда ей хочется неопределенности, событийности, эмоций и впечатлений. Молодость на то нам и дана, чтобы быть кипучей и жизнеутверждающей. В двадцать тебе хочется изменить мир, совершить кругосветное путешествие, безответно влюбиться. Это так же естественно, как смена времен года. Проблема возникает, когда в пятьдесят хочется сделать то же самое, но уже нет ни здоровья, ни эмоциональных сил.

– Долго нам еще идти? – спросила Эстер.

– Вызовем такси.

Когда пара доехала до места и Эстер вышла из машины, она увидела большущий многофункциональный развлекательный комплекс. В *LA Live* в одном здании находились сразу

несколько отелей, жилые апартаменты, кинотеатры, ночные клубы, рестораны и много всего прочего. Об этом Эстер прочитала в интернете, пока таксист петлял по улицам.

– Отлично, – сказал Джек, оглядевшись по сторонам. – Нам нужно найти *Lucky Strike*.

– Боулинг? – уточнила Эстер.

Джек кивнул. Он достал телефон из кармана джинсов и набрал номер Джонни.

– Привет! Мы пришли. Как тебя найти? – спросил Джек в трубку и после долгой паузы добавил: – Хорошо, поднимаемся.

Большое пространство ресторана с высокими потолками было наполнено людьми и веселым гомоном. Стены, выкрашенные в темный цвет, столы из черного дерева, близко поставленные друг к другу и тусклые светильники создавали в помещении полумрак, из-за которого трудно было узнать Джонни. Эстер мотала головой из стороны в сторону так же, как и Джек, но в отличие от него она не знала, как выглядит его друг. Судя по описанию Розы, это будет заурядный тип с претензией на оригинальность. Такой человек, который, кроме броских манер, не обладает никакими выдающимися качествами. Подобные люди Эстер встречались довольно часто. Люди, которые за витиеватыми фразами и вычурным поведением скрывают отсутствие внутреннего наполнения.

Компания футбольных болельщиков за барной стойкой громко закричала: «Беги, беги, беги». Затем они горячо выругались: «Дерьмо! Нет, так играть нельзя! Посмотри на этого отморозка – зачем его только взяли в команду?» Повсюду раздавалось звяканье пивных кружек. Из разных концов бара болельщики, как могли, поддерживали любимые команды. В нос ударил густой запах чесночных гренков.

Джек вытянул шею и уже был готов потянуться к телефону. Но в одном из дальних углов ему помахали.

Эстер в полумраке не смогла разглядеть лицо Джонни и двинулась за Джеком, рассыпая извинения направо и налево. Она старалась не задевать людей, но все же в настолько тесных проходах это было трудной задачей.

– Привет, бро! – приветствовал Джонни Джека. Он встал из-за стола и обнял друга. – Это твоя жена? Почему я не встретил ее раньше тебя?! Ты очень миленькая! – добавил Джонни, протягивая руку Эстер.

Эстер пожала руку в ответ и смущенно пробормотала: «Спасибо».

Она сразу смогла оценить качества этого человека, как только увидела его манеру общения. Уверенный в себе, дерзкий, самовлюбленный тип. Джонни был красавчиком в самом прямом значении этого слова: большие черные глаза, красивый греческий нос, четко очерченная линия губ, острые скулы на широком лице, высокий рост и великолепная харизма. Харизма, превосходящая лучшие достоинства других людей и затмевающая недостатки ее носителя.

– Как первые впечатления от города? – простодушно спросил Джонни, усаживаясь обратно на свое место.

– Ты знаешь, как я отношусь к большим городам, – нехотя отозвался Джек, разглядывая одетых в едином стиле официантов.

– А тебе? Тебе здесь нравится? – поинтересовался Джонни, в упор уставившись на Эстер.

Эстер вцепилась в сумочку, лежавшую на коленях, и стала перебирать пальцами золотой, сплетенный в цепочку ремешок. Она чувствовала на себе испытующий взгляд незнакомого человека и готова была провалиться сквозь землю.

– Да, – уверенно отозвалась Эстер. – Я еще не успела побывать в городе, но хаос, царящий здесь, меня, безусловно, привлекает.

– Добрый вечер! Что будете пить? – вежливо поинтересовалась худенькая девушка с русыми волосами. Она улыбнулась каждому и лишь на секунду задержала взгляд на Джонни.

– Принесите нам по двойной порции виски, – сказал Джонни, перехватив инициативу. Потом замялся и вопросительно посмотрел на Эстер.

– О, нет, я не буду, – тут же отреагировала она.

– Как это не будешь? Девушке принесите вина. Какое тебе нравится?

– Красное каберне-совиньон, пожалуйста, – сдалась Эстер. Доказывать, что ей совсем не хочется алкоголя, было невежливо, поэтому она решила просто не притрагиваться к бокалу.

– Угу, каберне, – вторил Джонни. – И нам нужно немного времени, чтобы определиться с выбором еды. Спасибо.

Джек улыбнулся и одобрительно кивнул, а Эстер проводила взглядом официантку.

– А она хороша! – отметил во всеуслышание Джонни и сделал небольшой глоток воды. – Надо взять ее номер.

Джек откинулся на спинку стула. Он мельком взглянул на влюбленную парочку за соседним столом, которая кормила друг друга с ложки. У него никогда не возникало такого желания – это неудобно и даже негигиенично.

– Что случилось с твоей девушкой? Ты ведь был в отношениях, насколько я помню, – заметил Джек.

Джонни грустно улыбнулся:

– Мы расстались.

– Очень жаль, – замялся Джек, понимая, что затронул деликатную тему.

– Да нет, я в полном порядке! – Джонни сменил задумчивое выражение на первоначальный развязно-веселый вид. – Это в прошлом. Сегодня мы идем в клуб. Как вам идея?

– Отличная идея, Эстер давно хотела. Правда, милая?

Джек любовно погладил ее по спине.

Пауза переросла в неловкое молчание, и Джонни нарушил его первым:

– Здесь есть бильярдный стол. Можем поиграть немного, пока ждем напитки.

– Почему бы и нет! – ответил Джек.

Компания поднялась из-за стола и отправилась в соседний зал, соединенный с рестораном огромной аркой. Люди громко переговаривались между собой, и Эстер не смогла расслышать, что говорит ей впереди идущий Джек. Он тянул ее за руку, как локомотив, расчищающий перед женой путь от подвыпивших мужчин.

– Итак, нас трое, поэтому Эстер будет играть за каждого из нас поочередно. Я сразу скажу, игрок из меня отвратительный, поэтому тебе, Эстер, придется поднапрячься за нашу с тобой команду, – с совершенно серьезным лицом сказал Джонни.

Эстер лукаво улыбнулась и кивнула в знак согласия. Ей предстояло играть и с мужем, и с Джонни одновременно, это означало, что ей придется отдать предпочтение одной из команд.

Первым бил Джек. Он взял кий, оглядел его и ловким движением ударил по битку. Шары разлетелись по столу, но ни один из них не угодил в лузу.

Ход перешел к Джонни. Он быстрой, но пьяной походкой обошел стол, оценил ситуацию и, взяв в руки первый попавшийся кий, наклонился над зеленым мягким покрытием. Сосредоточенно глядя на шар, Джонни прицелился и ударил.

– Это было просто! Ты сделал хороший первый удар, – сказал Джонни озадаченно, видимо, удивленный своим везением. – Эстер, держи! Ты бьешь за нас.

Джонни протянул кий наблюдавшей со стороны девушке. Игроком она была посредственным, но правила знала неплохо.

– Ты можешь бить по любому из шаров, – напомнил Джек, видя некоторое замешательство жены.

– Да, спасибо, я помню.

Пока Эстер готовилась к удару, Джонни внимательно наблюдал за ее движениями – как ее спина в красном платье прогибается над бильярдным столом, как блестящие тяжелые кудри

падают на зеленое сукно и как старательно Эстер пытается прицелиться. Эстер напоминала Джонни кошку, которая должна, просто обязана быть своенравной. Она понравилась Джонни с первого взгляда, он почувствовал в ней горячий темперамент и нечто родственное – взбалмошность, готовность на разного рода авантюры. Эстер была женой его друга, но чувства – вещь, неподконтрольная разуму. Они рождаются в нас внезапно и, как правило, имеют свойство пропадать быстро, если для их зарождения потребовалось одно лишь мгновение. Для химии нужен взгляд двоих физически совпадающих людей, для зрелой любви – вся жизнь.

– Попала! – воодушевленно крикнула Эстер.

Джек и Джонни одобрительно похлопали. Джек от гордости за жену, Джонни от желания сделать Эстер приятно.

Официантка, быстро сообразившая, куда запропастились ее клиенты, принесла напитки к бильярдному столу. Она поставила их на стойку и сказала:

– Два двойных виски и каберне.

– Спасибо, красотка! Подожди, – спохватился Джонни. Ему непременно нужно было показать свою заинтересованность в ком угодно, кроме Эстер. Он бессознательно начал играть в игру, к которой всегда прибегал, когда ему требовалось привлечь внимание противоположного пола. – Что ты делаешь завтра вечером? – спросил Джонни у официантки, облокотившись о стойку.

– Ну, ничего, – кокетливо отозвалась девушка.

– Значит, я приглашаю тебя на ужин. Да, на ужин. Может быть, с этими ребятами, – Джонни взглядом очертил друзей, которые обсуждали расстановку шаров на столе.

– Запиши мой номер, – сказала официантка по имени Лорен. Убедившись, что все цифры правильные, она быстро убежала, подгоняемая большим количеством посетителей.

Эстер позабавило ребяческое поведение Джонни. Как и любая девушка, она могла распознать симпатию. И то, как Джонни смотрел на нее, было чем-то похожим.

Спустя две сыгранных партии, одну в пользу Джека, другую в пользу Джонни, изрядно опьянев и развеселившись, компания вернулась к столику. Эстер к тому времени допивала третий бокал вина.

– Мне надо в туалет, – сказал захмелевший Джек. И вразвалку вышел из-за стола.

Эстер и Джонни остались вдвоем. Пользуясь опьянением как поводом для откровенности, Эстер не преминула побеседовать с визави.

– Я прекрасно знаю, кто ты такой, – сказала она с усмешкой. Эстер смотрела на Джонни так, как могут смотреть только женщины, явно осознающие великую силу своего обаяния над мужчиной.

Джонни самодовольно улыбнулся и придвинулся к Эстер поближе:

– Ну, расскажи мне, что ты обо мне знаешь.

Эстер приняла доверительную манеру речи и стала размышлять о том, о чем могла только догадываться:

– Ты творческий неуравновешенный романтик. Сегодня ты чувствуешь так, завтра будешь чувствовать по-другому. На тебя нельзя положиться, тебе нельзя верить и уж ни в коем случае нельзя заводить с тобой отношений. Но в то же время ты пользуешься популярностью у женщин – они любят тебя. Каждая из них была бы рада обуздать твой нрав, но ни у кого это не выходило. Я не знаю, чем ты занимаешься, но чувствую в тебе... Кстати, – осеклась Эстер, – а чем ты занимаешься?

Джонни криво улыбнулся и постучал пальцами по столу.

– Я художник.

Эстер удивленно округлила глаза.

– Я знала! Я знала! – радостно воскликнула она.

– Похоже, ты знаешь обо мне больше, чем я сам, – усмехнулся Джонни. Он хотел подколоть Эстер, но она не уловила иронии.

– Представь себе, да. Я знаю вещи, которые необходимо знать перед тем, как завести отношения с таким мужчиной, как ты. Ты можешь всю жизнь девушки превратить в ад.

– Скверный тип, выходит? – уточнил Джонни, резко посерьезнев. Его глаза осуждающе сверкнули в полутьме.

– В точку, – надменно согласилась она.

Их беседу, набиравшую напряжение, прервал Джек, севший на стул рядом с Эстер. Удивительно, как быстро изменилось выражение лиц собеседников. На смену загадочности Джонни пришел веселый и спокойный вид, а глубина взгляда Эстер потеряла силу. Но между ними появилось что-то незаметное постороннему взгляду. Магнетизм, ощутимый только для них двоих.

– Ну что, скверный тип, – задумчиво сказал Джек, уловивший последний отрывок разговора, – в клуб?

– Да, – отозвался Джонни. – Да, конечно.

Оказавшись на улице, Эстер поежилась. Ночь оказалась сырой и холодной. Улицы поредели, толпы туристов перестали снова бесконечными потоками. Остались только самые искусственные искатели приключений.

Эстер ударил в нос густой запах травки. Она даже обернулась, чтобы убедиться, что ее не курят Джек или Джонни.

– Марихуаной пахнет.

– Нет, легкие наркотики не для нас, – парировал Джонни.

Эстер недоуменно уставилась на него, потом на Джека, но муж только улыбнулся.

– Что это значит?

– Это значит иди быстрее, иначе замерзнешь, – уклончиво ответил Джонни и пошел впереди пары, указывая им путь до машины.

Джонни открыл дверь новенькой «панамеры», красиво отсвечивающей в темноте, и помог Эстер сесть на заднее сиденье. Джек одобритительно присвистнул.

– Красивая! – сказал он, похлопав Джонни по плечу. – Какого года?

– Новая. Всегда хотел, – Джонни тяжело вздохнул и рассмеялся. – Всегда хотел выплачивать за нее кредит длиною в жизнь.

– Я не понимаю, как ты собираешься вести машину? Ты же пьян! Тебя посадят, если остановят, Джонни. Джек, скажи ему, – укоризненно воскликнула Эстер, надеясь на благоразумие мужа.

– Все будет хорошо. Это меньшее из зол, поверь мне, – усмехнулся Джек.

– Отлично, если мы разобьемся, мои родители вам этого не простят, – заявила девушка и откинулась на сиденье.

Ее угрозу Джонни проигнорировал и, включив музыку погромче, тронулся с места.

Джонни гнал как сумасшедший по узким улицам Лос-Анджелеса. Подобное всегда страшно наблюдать со стороны, но еще ужаснее находиться в это время в машине. Даже Джек напрягся, когда Джонни чуть не устроил аварию, проехав на красный свет: он чудом успел увернуться от машины, движущейся справа по перекрестку, и не издал при этом ни звука. Для Джонни это было привычной ситуацией.

Эстер сильно вжалась в сиденье и пристегнула ремень безопасности. Спустя пятнадцать минут молчаливых терзаний Эстер Джонни неожиданно сбавил скорость и стал внимательно вглядываться в дома, объединенные одним забором из рельефной проволоки. Она была порвана в некоторых местах. Фонари на улице светили бледно, а некоторые мигали, как в фильмах ужасов. Дома смотрелись небрежно и неухоженно в давящей темноте – краска на

панелях заплеснела и поросла плесенью. Несколько куцых пальм росли в деревянных кадках, в которые прохожие выбрасывали мусор. Обстановка убогая, ничего не скажешь.

– Здесь, – сказал Джонни Джеку, видимо, отлично понимающему, куда они приехали.

– Что здесь? Где мы находимся? Это место выглядит пугающе, – с тревогой сказала Эстер.

– Тебе не о чем беспокоиться, – заверил ее Джек. Но, заметив, что Эстер действительно насторожилась, обернулся к ней и погладил по коленке. – Ничего страшного. Просто ненадолго заглянем к другу Джонни. Купим кокаина и поедem в клуб.

– Кокаина? – удивленно спросила Эстер. До этого она видела кокаин только в фильмах и плохо представляла себе, какой эффект он может оказывать на людей. – Я не знала, что ты этим балуешься.

– Очень редко, почти никогда, – отшутился Джек.

Джонни усмехнулся.

– На, надень. На улице холодно, – сказал он, снимая с себя джинсовую рубашку, и протянул ее Эстер.

– Спасибо!

От рубашки пахло еле уловимым ароматом парфюма Джонни. Древесно-дымный с горчинкой, смешивающийся с запахом свежести и зеленого чая. Эстер постаралась запомнить его.

– Пошли, – сказал Джек и первым вышел из машины.

В дверь Джонни постучал решительно и привычно.

Через мгновение ее открыл афроамериканец – мужчина неопределенного возраста с угловатой внешностью. Черты его чрезмерно худого лица были словно вырезаны из дерева, так он больше походил на статуэтку языческого бога, чем на живого человека.

– Хей, бро, давно не виделись, – сказал он заторможенно, обращаясь к Джонни.

– Не так уж и давно, – низким голосом отозвался тот.

Дайрон – так звали драгдилера – отступил на шаг, пропуская гостей в дом:

– Заходите. У меня наверняка есть то, что вам нужно.

В доме было на удивление светло и приятно. Эстер не так представляла себе жилище наркоторговцев, да и, по-честному, вообще не представляла подобное, но ожидала увидеть нечто другое. Например, голые стены, изрисованные маркерами, одинокий матрас в центре гостиной, грязь, хлам и беспорядок. Ее представления строились на героиновых историях и были ограничены стереотипами.

Мало того, на диване перед телевизором сидели две красивые блондинки и смеялись над глупой рождественской комедией. Дайрон подошел к одной из них и представил гостям:

– Это Эрика, моя жена, – сказал он. Блондинка со светлыми глазами и треугольным лицом отвлеклась от фильма и поздоровалась. Ее взгляд излучал дружелюбие.

– А это Энни, ее подруга. Веселая, стерва. Скоро доведет меня, – сказал Дайрон, смерив ее строгим взглядом. – Не будем отвлекать девочек, идем на кухню, – он махнул гостям рукой, приглашая их следовать за собой.

Джонни приветственно подмигнул Энни и поспешно присоединился к остальным.

– Джонни, ты что как неродной? – развязно спросил Дайрон. Его взгляд был мутным, но все же уверенным. – Как жена, как дети?

– У меня нет детей, бро, – ответил Джонни, подавляя улыбку. На что Дайрон, прерываемый кашлем, глухо рассмеялся.

– Какая нахуй разница, по большому счету. Всех, кто приходит в мой дом, объединяет одно: желание жить. Хотя бы немного, но жить по-настоящему. А все остальное неважно, правда ведь, Джонни? – риторически спросил он, отходя от компании в сторону. Дайрон пошел за товаром и оставил гостей на некоторое время в одиночестве.

– Нравится? Философ своего рода, – сказал Джонни, опережая друзей. – Всегда думает о смысле жизни, мучается экзистенциальными вопросами – не в пример многим.

Джек и Эстер неопределенно переглянулись, но не успели взглядом ничего друг другу сказать. В арку, соединяющую кухню с коридором, вошел Дайрон с небольшим пакетиком белого порошка в руке.

– Пробовать будешь? – спросил он у Джонни.

– Пробовать нет, но по дорожке сделаем сейчас. Сколько здесь?

– Два грамма, – отозвался Дайрон и высыпал содержимое пакетика прямо на стол.

Он разделил линии лезвием бритвы на три небольшие полоски и, отойдя от стола, предложил гостям попробовать товар.

– Я заплачу налом, – сказал Джонни и, наклонившись к столешнице, вдохнул первую линию.

Потом Джек проделал то же самое. Когда очередь дошла до Эстер, она немного замялась.

– Главное, сделать это резко, – посоветовал Джек. Он протянул ей стодолларовую купюру. – Вставляешь трубочку в дышащую ноздрю и вдыхаешь.

Эстер, любопытная до всего дурного, думала недолго. Она почувствовала едкий запах ацетона и небольшую горечь в горле.

– Кокс должен так пахнуть? – спросила Эстер, недоверчиво оглядываясь на мужчин.

Дайрон ответил совершенно серьезно:

– Если он пахнет потными яйцами, то нет. Он пахнет потными яйцами?

Эстер удивленно приподняла брови, а Джонни и Дайрон рассмеялись каждый на свой лад. Смех Джонни был приятным и переливчатым, как водопад, а смех Дайрона – сухим и бесцветным, как пустыня.

– Бро, вот бабки, – сказал Джонни, протягивая Дайрону несколько смятых купюр. – Друзья приехали на неделю, хочу показать им все достопримечательности Лос-Анджелеса.

– И начал ты, конечно, с меня? – иронично подметил Дайрон.

– Кстати, – опомнился Джонни, – я же их не представил тебе! Джек и Эстер – его жена.

Дайрон криво улыбнулся паре, обнажая ряд исключительно ровных и белых зубов.

– Очень рад, – миролюбиво сказал он. – Приходите, если понадобится моя помощь.

Джонни хлопнул его по плечу и пошел к выходу.

Энни, несколько минут назад спокойно сидевшая на диване, теперь горько рыдала, а Эрика старалась ее успокоить, нежно поглаживая по спине.

– Что, блядь, опять случилось? – вмешался резко посерьезневший Дайрон. Он встряхнул расстроенную девушку за плечи, а потом взял ее за подбородок и потянул вверх, чтобы посмотреть в глаза.

Джонни, будучи завсегдаем этого дома, прекрасно знал, как ему нужно поступить в сложившейся ситуации. Он, скорчив гримасу сожаления, открыл входную дверь и уже с порога крикнул напоследок:

– Дайрон, мы пошли. Я тебе позвоню.

После этого Джонни поспешно закрыл за собой дверь.

– Что с ней случилось? – спросила ничего не успевшая сообразить Эстер.

– Не обращай внимания. У нее частые эмоциональные срывы. Когда они случаются, Энни пытается что-нибудь сделать с собой или окружающими. Недавно она угрожала Дайрону позвонить копам и раскрыть его деятельность, после этого их отношения испортились, – пояснил на ходу Джонни.

Эстер глупо рассмеялась и потрогала свое лицо.

– У меня лицо немеет, – подавляя смех, сказала она.

– Это нормально. Все пройдет, – снисходительно отозвался Джонни, вспоминая свое первое знакомство с кокаином. Ситуация тогда приключилась страшная.

Ему было около четырнадцати, когда они с друзьями, уже изрядно пьяные, возвращались домой на рассвете после тусовки и случайно попали на странного мужчину. Он, в плаще, как у эксгибициониста, ковбойской шляпе и узких черных очках, стоял на тротуаре и как будто ждал кого-то.

– Майк, Олби, приготовьтесь! Сейчас мы увидим член! – покотился от смеха Джонни. Он был так пьян, что ему все казалось забавным.

Незнакомец даже бровью не повел. Майка и Олби это только распалило. В молодости, когда гормоны играют рок, юнцы могут выпустить пар двумя способами: либо хорошенько подраться, либо заняться сексом, и второго Майку и Олби сегодня не досталось. Они жаждали нарваться на неприятности.

– Какого ты здесь встал?! – спросил Майк, раздуваясь вширь, как яростный петух. Он вытянул шею, раскинул руки, чтобы казаться грозным, и так, на шарнирах, подскочил к незнакомцу. Тот только не рассмеялся в ответ.

– Воу, воу, полегче, сынок, – ответил мужчина без особых эмоций.

– Че надо, извращенец? Любишь молодых мальчиков? – присоединился Олби. Джонни остался позади и только наблюдал. Ему было легко и приятно – совсем не до мордобоя.

– Детки, у меня к вам предложение. Я даю вам грамм за полцены, а вы идете отсюда на хрен. Мне не нужны проблемы, – усмехнулся незнакомец.

Пакетик друзья вскрыли сразу же, неподалеку от того места.

– Джонни?

– Чуть позже. Хочу до дома дойти.

По пути Майку стало плохо. Сначала его стошнило, потом его затрудненное дыхание вызвало панику у всех троих.

– Все нормально, я потерплю, – хрипел Майк.

– Нужно ехать в скорую! – скомандовал Джонни.

– Какая, к черту, скорая?! Я в порядке, значит, и он не мог отравиться! – перебил Олби.

– Он задыхается!

«Передозировка фентанилом», – позже написали в заключении врачи. Это был день, когда Джонни спас человека. Знаменательный день, но безмерно гадкий. К несчастью, это не помогло ему сохранить дружбу. Родители Олби пороли его всю неделю, а затем держали под домашним арестом. Джонни так и остался непризнанным героем и даже сам себя таковым долгое время не считал, но первый опыт запомнил крепко. Навсегда.

По дороге в клуб Джонни то и дело поглядывал в зеркало заднего вида. Эстер стала удивительно раскрепощенной. Осторожность, чувствовавшаяся в ней с начала знакомства, отступила. Родился новый человек, которого Джонни уже давно заметил за маскировкой. Чувственная, смешная и легкая. Такой Эстер нравилась ему больше. Когда она ловила взгляд Джонни на себе, то отвечала взаимностью. Пересекаясь, их взгляды укрепляли непонятным образом зародившуюся связь.

Джек ощущал что-то ускользающее от него, но никак не мог определить, с чем он имеет дело. Все происходившее было ни на что не похоже – Джонни вел машину и шутил, Эстер отпускала остроты, а Джек большей частью молчал. Единственное, на что Джек действительно мог обратить внимание, так это на прикосновения Эстер. Теперь она редко касалась его руки, плеча, волос. Эстер просто поглощена открытием чего-то нового, а остальное вернется на круги своя, когда они окажутся наедине. Так размышлял Джек и, наверное, в чем-то был прав.

Эстер, буквально сразу после того, как села в машину, почувствовала непонятное упругое чувство внутри. Складывалось впечатление, что она проглотила воздушный шарик, наполненный гелием, и теперь этот шарик мог унести ее куда-то далеко. Эстер поразительно живо чувствовала действительность, мысли рождались в ее голове так же быстро, как и умирали, но она старалась поделиться ими с окружающими, если успевала. Ее тело и разум ускорили ритм, а Эстер с интересом изучала свое новое состояние.

Глава 3

В клуб друзья приехали поздней ночью. Блестящая, освещенная неоновым светом страна чудес ждала своих героев. Здесь ночная жизнь бурлила и искрилась, как праздничный салют. Она утягивала людей в хоровод огней, разноцветных коктейлей и танцев, вела за собой до самого утра, пока не выкидывала изжеванных, но вполне удовлетворенных гостей отсыпаться.

Джонни припарковал машину где-то в подворотне, а потом повел Джека и Эстер за собой.

У входа их встретили два лысых амбала в черном. Они оценивающе осмотрели компанию, и один из них обратился к Эстер:

– На ваше удостоверение можно взглянуть? – спросил он деловито.

– Да-да, конечно, – ответила Эстер и потянулась к бархатной сумочке, но не обнаружила ее на плече. – Я забыла сумку в машине, – попыталась оправдаться она.

– Сегодня вы не проходите в клуб, – резонно заявил секьюрити и отступил от Эстер назад, давая ей понять, что разговор окончен.

– Пойдем, я открою тебе машину, – вмешался Джонни.

– Подожду вас здесь, – сказал Джек и облокотился о бортик металлического лабиринта, ведущего ко входу.

Пробираясь в полной темноте до «панамеры», Джонни взял Эстер за руку, чтобы она ненароком не споткнулась.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он, нарушая молчание.

– Хорошо. Очень бодро.

– Приятно видеть тебя настоящей.

– А до этого какой я была?

– Закрытой. Может быть, даже немного пресной, – поддел ее Джонни.

– Я? Я пресная?! – наигранно возмутилась Эстер. Их общение перерастало во флирт, и поэтому она замолчала. Ей стало неловко.

– Я узнаю тебя ближе и, может быть, тогда возьму свои слова обратно.

Эстер неопределенно покачала головой. Что ей сейчас нужно сказать? А главное, зачем – что она хочет получить в итоге?

Джонни открыл машину, и Эстер наклонилась, чтобы дотянуться до сумки. При включившемся в салоне свете Джонни увидел, как задралось красное платье. Оно собралось на талии, оголив стройные ноги Эстер. Лишь небольшой кусочек ткани прикрывал ее нижнее белье. Джонни поймал себя на предательской мысли, что Эстер делает это специально.

– Идем? – невинно спросила она, когда обернулась.

– Да, – задумчиво отозвался Джонни.

В клубе веселье перевалило за состояние, когда только алкоголь уже не веселит. Требовалось срочное повышение ставок. Некоторые женщины начали вести себя развязно. Их разум сдал позиции первобытным инстинктам. Мелькали оголенные груди, будоражили кровь короткие платья, в некоторых уже безнадежных случаях было заметно отсутствие нижнего белья. Расторопные официанты носили подносы с текилой к большим компаниям. Они взяли на себя обязанность на сегодня – сделать людей счастливыми. Некоторые за отдельную плату даже готовы были сотворить счастье из самих себя.

Битком набитое пространство было пропитано запахом духов. Люди двигались в ритм электронной музыки, многие из них толпились возле бара. На сцене, на самой середине, разместили большой диджейский пульт, за которым стоял малоизвестный диджей с большими наушниками. Он старался подбадривать толпу, то прыгая на месте, то качая рукой вниз-вверх.

Эстер поморщилась. Она стала резко приходить в себя: на смену бесшабашной легкости пришло ощущение реальности. Энергия и силы в теле замедлили свой непрекращающийся бег, а через пять минут и вовсе замерли на месте.

– Ты говорил, у нас есть еще, – шепнула Эстер Джонни на ухо.

Он с пониманием кивнул.

– Пойдем! – прокричал Джонни Эстер, беря ее за руку. – Мы с Джеком первые, ты подожди нас в коридоре.

Когда Джек вложил в ладонь жены уже изрядно опустевший пакетик, она поспешила в первую попавшуюся кабинку. Эстер высыпала остатки кокаина на тыльную сторону ладони и вдохнула. От живительного лекарства ей стало легче. Скоро ее организм оживет вновь.

Тем временем Джек отвоевал место за баром у компании молодых иностранцев. Он невозмутимо ожидал прихода Эстер. Бармен, не так давно принявший заказ, поставил перед Джеком три шота с текилой.

Эстер вернулась, когда Джек стал встревоженно озираться по сторонам – он не понимал, почему Джонни так задерживается, но еще больше его волновало отсутствие жены.

– Я здесь! – весело промурлыкала Эстер. Она подошла к мужу вплотную и, как кошка, потерлась головой о его шею.

– Я начал переживать, – честно признался Джек, отвечая взаимностью на ласку.

– Где Джонни?

– Я не знаю. Он до сих пор не вышел из туалета. Схожу проверю, все ли с ним нормально.

Джек поцеловал жену и удалился на поиски пропавшего друга. Стробоскопы, как вспышки фотокамер, выбеливали силуэты двигающихся в танце людей. Эстер закрыла глаза – она двигалась плавно и грациозно. Эстер отдала себя волнам энергии, бившей из центра зала. Эти волны несли ее куда-то далеко, за пределы клуба, за пределы времени и пространства. Она была сосудом, который наполнялся радостью окружающих, любовью и светом. Она сама излучала свет. Ее тело парило, оно было невесомо, как душа или как самое прекрасное чувство в мире.

Вскоре Джек и Джонни вернулись. Они весело над чем-то смеялись и переговаривались.

– Он полный кретин, – высмеивая друга, сказал Джек. – Рассыпал все на пол и не собрал. После Джонни в кабинку сразу же вошел коп.

– И что произошло? – удивленная их внезапным появлением, спросила Эстер.

– Да ничего. Он извинился, – ответил Джек, сдерживая смех.

– Кто извинился? – не поняла Эстер.

– Джонни извинился через дверь, что не убрал за собой, – уточнил Джек и покатился со смеху.

Эстер ошарашенно оглядела на вид адекватного Джонни:

– Он что, так и сказал: «Извините, я там кокс рассыпал, не приберете ли за мной?»

– Примерно так я и сказал. А потом у меня было несколько секунд, чтобы смотаться. И я успел, – похвастался Джонни и поправил локон, выбившийся из прически Эстер. Та от неожиданности отшатнулась.

– Хочешь, поспорим? – предложил Джонни.

– Со мной? – переспросила Эстер.

– Да, – ответил Джонни. На его лице засияла лукавая улыбка.

– На что? – вмешался Джек.

– На то, что твоя жена не сможет выпить три шота текилы за раз.

– Она действительно не сможет, – уверенно подтвердил Джек. – Да и зачем тебе это?

– Потому что мы пришли веселиться! – развязно крикнул Джонни. – Потом будет твоя очередь. Тебя ожидают шесть шотов – ты больше Эстер.

– И на что же мы спорим? – недоверчиво улыбаясь, спросил Джек. Он давно привык к манере Джонни развлекать публику и был готов подыграть ему.

– Кто первый сдастся, завтра прыгает с утеса в океан. Я покажу вам место, – простодушно сказал Джонни.

– Любопытно, – поддержала его идею Эстер. Может быть, из-за страха, а может, из опасений пойти на поводу у Джонни, но она хотела отказаться от этой затеи.

– Три шота ждут тебя на стойке, – безапелляционным тоном сказал Джонни.

Эстер, ничего не ответив, только помотала головой. Но Джонни разбирался в психологии немного лучше, чем Эстер, только он о своей способности окружающим не рассказывал.

– Хорошо, если не хочешь – не нужно, – подбодрил ее Джонни. Он сделал вид, что потерял к Эстер всякий интерес, и демонстративно повернулся к Джеку. – Тогда ты. Вперед!

Эстер нахмурила брови. «Он не постарается уговорить меня?» – пронеслось у нее в голове. Взбудораженный разум требовал действия.

– Хорошо, я выпью, – категорично заявила она. Эстер очень захотелось посмотреть на лицо Джонни, когда она все-таки одержит победу.

Эстер подошла к бару и дрожащими пальцами вцепилась в рюмку с пахучей жидкостью. На секунду Эстер представила, какой пьяной станет, если второй круг все же доберется до нее. Резким движением она осушила содержимое сначала первого, потом второго и, наконец, третьего шота.

– Это отвратительно, – скорчив лицо, пробурчала она. – Ваша очередь.

– Отлично, умница! Джек, ты следующий! – весело объявил Джонни и подозвал бармена.

Спустя два тяжело пройденных круга Эстер не выдержала. Она осела на пол, прислонившись головой к стенке бара, и закрыла глаза. Музыка больше не веселила. Она била по барабанным перепонкам и лишь усугубляла и без того дурное самочувствие. К горлу подступила тошнота, перед глазами мелькали блики.

Джек еще держался, но и его тренированное годами выпивки тело начинало сдаваться. Он опустил голову на холодную поверхность стойки и из этой позиции с холодным безразличием наблюдал за происходящим на танцполе.

Только Джонни, которому не пришлось допивать второй круг после выхода Эстер из игры, оставался более-менее бодрым. Он думал о том, что скоро к ним подойдет охрана и попросит его вывести друзей из заведения. Это означало, что пора ехать домой.

Джонни нашел почти разряженный телефон в кармане и заказал такси.

– Ты завтра прыгаешь, боец, – насмешливо сказал Джонни, помогая Эстер подняться с пола. Она так и норовила «стечь» из его рук на пол.

Джонни аккуратно подхватил Эстер так, чтобы ей не было больно.

– Джек, такси приехало. Надо идти, – постарался вразумить друга Джонни, но понял, что и на том конце глухо. Он взял Джека под руку и буквально стянул со стула. Тот, потеряв равновесие, чуть не навернулся.

– Да-да, я в порядке, иду, – бесцветным голосом, еле слышно, отозвался Джек и действительно побрел за Джонни на улицу.

– Не оставляй меня, – жалобно пробормотала Эстер Джонни, когда тот, усадив друзей назад, хотел пересесть на переднее сиденье. – Меня сейчас вырвет.

Водитель такси при упоминании о рвоте резко обернулся. Он испытующе посмотрел сначала на девушку, а потом на менее пьяного Джонни.

– Слушай, парень, если ей плохо, найди пакетик сразу. Иначе вам придется вызвать кого-нибудь другого. Я не собираюсь после вас чистить салон. Мне это не нужно, за это не доплачивают, – быстрой нервной чередой выпалил водитель и шумно задышал. Его ноздри расширились, оголяя темные проходы широкого носа. Влажные пухлые губы таксиста, чуть вывернутые, прыскали в воздух мелкую россыпь слюней, оседающих на обивку машины и вещи клиентов.

Джонни неуверенно улыбнулся и, заверив, что все обойдется, сел на заднее сиденье. Мысленно он уже отстегивал таксисту деньги за химчистку.

Тесно прижавшись друг к другу, компания, преодолевая расстояние и перекрестки, понеслась в гостиницу на Голливудском бульваре.

Джонни ощущал тепло тела Эстер. Девушка так плотно прижималась к нему, что невозможно было игнорировать эту близость.

Джонни мельком глянул на сидящего рядом друга. Джек сидел с закрытыми глазами, прислонившись головой к стеклу. Он спал.

Запретное желание, желание дотронуться до Эстер внезапно обожгло Джонни. Он хотел гладить ее кожу, дышать запахом ее волос – они волнами распались по ее мерно вздымающейся груди. Чувственные приоткрытые губы волновали воображение. Эстер сидела рядом с Джонни, беззащитная и хрупкая, рядом с мужчиной, который страстно желал обладать ею с первых секунд знакомства, и даже не осознавала этого. Джонни с волнением и осторожностью дотронулся до тонких ключиц Эстер и провел по ним ладонью. Девушка не шевельнулась. Тогда Джонни приблизился к горячей румяной щеке и легко коснулся ее губами. К несчастью, после этого машина остановилась.

Джек добрался до третьего этажа самостоятельно. Стоило ему войти в номер, как он рухнул на кровать, не снимая ботинок. Джонни заботливо накрыл друга легким одеялом и вернулся к оставленной на пороге Эстер.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросил Джонни, присев на корточки рядом с девушкой. При этом с лица его не сходила кривая ухмылка.

Эстер причмокнула губами и слабым голосом пробормотала себе под нос:

– Отвратительно. Просто отвратительно. Это ты виноват.

Джонни не смог сдержать усмешки.

– Тебе нужно в теплый душ, – сказал он и, помогая девушке подняться, повел ее в ванную комнату. – Справишься сама? – недоверчиво уточнил Джонни у мотающейся из стороны в сторону Эстер. Та глухо согласилась и при попытке перелезть через бортик ванны чуть не нырнула в нее головой.

Джонни, уставший смеяться, теперь просто озадаченно вздохнул.

– На тебе есть нижнее белье? – спросил он.

Эстер молча кивнула. Она закрыла лицо руками, не от стыда, его Эстер сейчас не чувствовала из-за отвратительного состояния. Яркий свет резал ей глаза.

Джонни принялся стягивать с Эстер платье через голову. Оно тяжело снималось, так как было призвано плотно облегать фигуру. Когда Эстер осталась в одном черном кружевном белье, Джонни на секунду даже растерялся. Размазанная по лицу помада добавляла девушке пикантности.

Теплая вода нежно окутала усталое тело – Эстер с облегчением вздохнула:

– Оставь меня. Я не выйду отсюда, – сказала она, с трудом поднимая взгляд на Джонни, сидящего рядом на коврик.

– Я бы рад, честно, – шутливо отозвался художник. – Но когда ты решишь вылезти из воды, есть вероятность, что большая часть твоих зубов останется на полу. Поэтому, с твоего позволения, я все же побуду тут.

Эстер устало вздохнула и, не в силах больше держать голову на весу, полностью ушла под воду. Стройная, загорелая девушка с похожими на водоросли волосами под толщей голубоватой воды мерно колыхалась из стороны в сторону.

Время остановилось вместе с Джонни, замороженно смотрящим в кристальное зеркало своих потаенных желаний. Там были и похоть, и страсть, и желание обладать. Так восторженно мог реагировать только ценитель, видевший многих и разных женщин. Джонни знал цену женской красоте и знал, чем за нее платить. Обожающим взглядом, любованием и восхищением.

Красота есть страсть – яркая, безапелляционная, требовательная. Она должна быть написана, о ней должны слагать оды. Поэтому Джонни хотел запечатлеть образ Эстер, донести его до шероховатого холста и воссоздать объективное, оптическое, предельно точное изображение пленительной женщины. Полупрозрачная ткань на ее груди намочила и обнажила ореолы аккуратных небольших сосков. Джонни мог прижать ее мягкое тело к себе. Ему стоило лишь протянуть руку.

Эстер, у которой закончился воздух, резко вынырнула из воды и испугалась. Джонни смотрел на нее без тени стеснения. Каштановые растрепанные пряди Джонни, доходившие ему почти до подбородка, свисали с наклоненной головы. Они создавали тень на его лице, и из-за этого глаза его стали почти черными.

– Ты чего? – спросила она, придя в себя.

Джонни обаятельно улыбнулся.

– Извини, в воде ты стала выглядеть еще лучше, – сказал он довольно нагло. – Издержки работы художника – видеть прекрасное вокруг.

Эстер беспомощно огляделась по сторонам, не зная, как реагировать.

– Расслабься, – невозмутимо бросил Джонни. Взгляд его смягчился и приобрел былую игривость.

– Пожалуй, пора выходить. Где Джек? – все еще настороженно спросила Эстер.

Момент был испорчен, а призрачная дымка вседозволенности испарилась. Эстер пришла в себя и не была готова к подобной близости.

– Он спит, – ничем не выдав досады, сказал Джонни.

Было в нем что-то норовистое, несмотря на показную легкость характера. Глаза. Глаза выдавали его. Джонни имел твердый, скептический взгляд. Как будто каждую секунду оценивал, насколько честен с ним собеседник.

– Мне тоже надо выспаться. Я справлюсь, честно. Ты можешь лечь на диване.

– Благодарю за предложение, но мне нужно ехать домой, – отказался Джонни, затем направился к двери. Голос Эстер остановил его на полпути. До слуха долетело запоздалое «спасибо».

Эстер услышала, как захлопнулась входная дверь. Теперь она принадлежала самой себе. Не без трудностей добравшись до постели, Эстер улеглась рядом с Джеком и попробовала закрыть глаза. В темноте до сих пор продолжали мелькать разноцветные огни, но уже не такие скорые. Она перевернулась на бок и провалилась в сон.

Наутро, когда телефоны разрывались от звонков будильника, а голова – от kloкочущей в висках боли, пара оторвалась от мягких подушек и медленно перекочевала на кухню.

Эстер сидела за столом с сосредоточенным видом и мелкими глотками пила кофе со сливками из большой кружки.

Сказать, что она ничего не помнила, Эстер не могла. Поочередно всплывали, как сцены из далекого прошлого, отрывки рваных, местами едких воспоминаний – то, как она впервые попробовала кокаин; худое, насмехающееся лицо Дайрона; последние шоты текилы, с трудом протекавшие в глотку. Все эти как будто незначительные события перечеркнули собой одно великопное воспоминание, от которого у Эстер побежали мурашки по коже, – прикосновение Джонни. Эстер прислушалась к себе. Что она тогда испытала? Ядерную смесь чувств, поочередно вспыхивающих и гаснущих, как звезды, утопающие в облаках неясной, магической ночи. Нечто подобное знакомо всем новоявленным влюбленным, еще не ступившим на тонкий лед под названием «отношения». Ходя по тонкой, ненадежной корочке, можно и оступиться, уйти в ледяную глубину. И Эстер, кажется, провалилась. Совесть жалила и неумолимо грызла ее. Второму чувству не было еще и названия, но каким волнительным было оно.

«Замужняя женщина! Какое унижение – скрывать правду! Ты сама твердила, что выросла из невротичных отношений, что тебе не нужны качели! Праздник должен начинаться и заканчиваться, а ты опять сидишь во главе банкета! Убеждала себя, внушала, и что выходит на деле – вралась?» – корила себя Эстер.

Джек вышел на балкон, чтобы выкурить сигарету. Он обнаружил ее в кармане пиджака. Откуда она там взялась – оставалось загадкой, ведь Джек несколько лет назад дал себе твердое обещание, что бросит курить. И вот он снова, впервые за два года, вдыхает густой зловонный дым и закашливается. Джек стряхнул пепел в стеклянный граненый стакан и посмотрел на проходящих внизу людей. С седьмого этажа головы туристов казались ему маленькими точками, беспечно движущимися из ниоткуда в никуда. Джек угрюмо вздохнул. Он чувствовал моральную усталость и физическое истощение. В конце концов, если что-то неотвратимое и должно произойти – оно обязательно случится. Видно, Джонни понравилась Эстер. Шестым чувством, которого Джек не был напрочь лишен, он угадал это.

К общему болезненному состоянию Джека приплеталось еще и чувство вины перед женой: вчера он не смог ей ничем помочь. Снова. Джек отмахнулся от неприятной мысли как от назойливой мошки и облокотился о бортик балкона. Он столько раз слышал от Эстер, что делает что-то не так, старался исправиться, но новые обстоятельства создавали новые проблемы. Гуманитарии так решают задачи по математике: шаблон работает, пока не введут новую переменную. А потом все, ступор. У Джека то же самое происходило с женщинами. Наверное, Эстер была права. Такой он и есть – малочувствительный и флегматичный.

«Это не означает, что я не люблю Эстер. Я люблю ее. Но некоторые вещи остаются далекими от моего понимания, не из-за равнодушия, а из-за склада характера. Она не может это понять. Или не хочет примириться с этим», – размышлял Джек про себя. Ему всегда хватало смелости посмотреть правде в глаза, не пытаясь ее приукрасить. Второй день отпуска только начинался, а Джек уже был готов собрать вещи и отправиться домой. В очередной раз он убедился в том, что большие города и его жители ни к чему хорошему не приводят, наоборот, калечат нервы и разрушают спокойствие.

Телефон Джека зазвонил, и он не смог игнорировать имя, высветившееся на экране.

– Привет, Джонни, – голосом, ничем не выдающим недовольства, сказал Джек в трубку. – Так скоро? Ты серьезно? Да брось, я не позволю ей сделать этого.

Лицо Джека серьезнело с каждой паузой.

– Ладно, посмотрим. Я ничего не обещаю, но мы попробуем. Хорошо, – напоследок сказал Джек. Он пренебрежительно, почти брезгливо нажал на кнопку завершения вызова.

Джек вернулся с балкона и поцеловал Эстер в макушку, а она слабо улыбнулась ему в ответ.

– Минут через двадцать приедет Джонни. Он не пошутил насчет вчерашнего спора. Тебе, дорогая, все-таки придется прыгать с утеса, – насмешливо сказал Джек, присаживаясь напротив Эстер. Он принялся раскачиваться на задних ножках стула.

– Через двадцать минут? – растерялась Эстер. Волосы ее были растрепаны. От великолепных, рассыпавшихся за ночь кудрей остались слипшиеся от лака колтуны, под глазами чернели круги от не смытой вчера туши. Словосочетание «свежесть молодости» лишь отдаленно было связано с ней этим утром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.